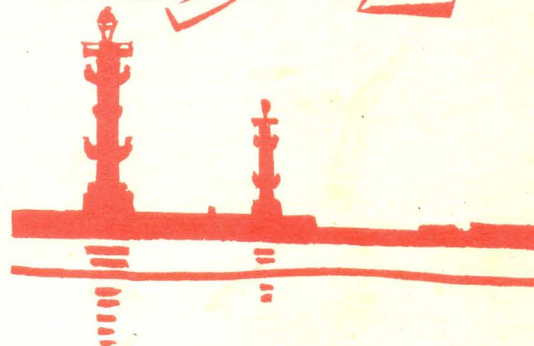

1947

1966 • 10

Работница

*С праздником
Великого
Октября!*

Пролетарии всех стран, соединитесь!

Работница

ОКТАБРЬ 1966 • № 10

Общественно-политический и литературно-художественный журнал

Основан 8 марта 1914 года • Издательство «Правда»

ПЛАНИРУЕТСЯ СЧАСТЬЕ

Т. РЯБИКИНА

...М

Мы сидели с Галей Васильевой в молодежном кафе «Фантазия». Комсомольцы Петроградского района проводили вечер встречи с иностранцами, собравшимися в Ленинград на Международные студенческие летние курсы.

Уже спели и «Город над вольной Невой», и «Катюшу», и традиционные «Подмосковные вечера» (которые, кстати говоря, здесь старательно и упрямо называли «кле-нин-град-ски-ми вечерами»; ну, где же могут быть вечера лучше, чем в родном городе?). Станцевали нестареющий вальс и лихую летку-енку. Дружно отплясали нечто среднее между вчерашним твистом, сегодняшним шейком и производственной гимнастикой.

— Пускай не задаются. Мы не хуже умеем! — лукаво шепнула мне Галка.

Маленькая, крепкая, в скромной юбке с жилетом и белоснежной кофточке, она плясала с несколько нарочитой старательностью. Точно и впрямь задалась целью доказать наше превосходство. («Что за комсорг на «Вибраторе!» Учитесь!» — пошутил кто-то из ребят.)

Потом показывали гостям фильм о Ленинграде. Напряженно подбирая английские слова («Все перезабыла за каникулы!»), Галка тихонько объясняла сидящему рядом негру, что вот этот сияющий шпиль — Петропавловка, а это чугунное кружево — всемирно известная решетка Летнего сада. Потом объектив повел нас по Петроградской набережной к легкому трехтрубному силуэту «Авроры».

— Крейсер нашей революции, — торжественно сказала Галка. — А рядом с «Авророй» — мой завод...

Ищи, придумывай, выбирай специально — я убеждена, не выберешь для завода места более символического.

Но соседство с «Авророй» не только гордость. Большая, тревожащая ответственность.

Каждый день привычно отрываем мы листки календаря. Скоро облетят и праздничные ноябрьские листки. Начнется новый год. Я не оговорила — новый.

Помните, у Маяковского:

Я вспоминаю
одно и то же —
двадцать пятое,
первый день.

8 ноября значится на календаре первым днем пятидесятого года Великой Октябрьской социалистической революции. Это — новое, это наше летосчисление, отсчет которого начат выстрелом легендарного крейсера.

Каким же входит «Вибратор» в юбилейный год? Чем он живет сегодня?

...Ученый проводит сложный эксперимент. Глаза и уши его — электроизмерительные приборы. Они докладывают о ходе опыта объективно, обстоятельно и мгновенно.

...Несется сквозь ночь электропоезд. Перед машинистом на щите управления — чутко подрагивающие стрелки.

...Металлург следит за плавкой. Что происходит там, в огненных недрах печи? Всегда готовы дать нужную справку приборы.

Не перечислить все отрасли, где помогают человеку чуткие «дозорные» — электроизмерительные приборы самых различных типов, созданные на «Вибраторе».

О качестве продукции можно судить хотя бы по тому, что около 40 стран охотно покупают приборы «Вибратора». И все, что выпускает завод, разработано здесь же, собственными конструкторами.

Завод-ученый, завод-первооткрыватель — вот что такое сегодняшний «Вибратор». А возник завод из небольшой лаборатории.

Его создали в блокадном сорок втором, в городе, отрезанном от страны, в городе голодном и холодном, державшемся, казалось бы, единственным стремлением — выжить. Фронту нужны были приборы, и наперекор всему ленинградки (мужчин оставалось совсем мало) наладили их производство.

Вслушайтесь в рассказы о тех днях людей, которые и сегодня работают на «Вибраторе».

Нина Васильевна Корсакова, старший инженер лаборатории № 8:

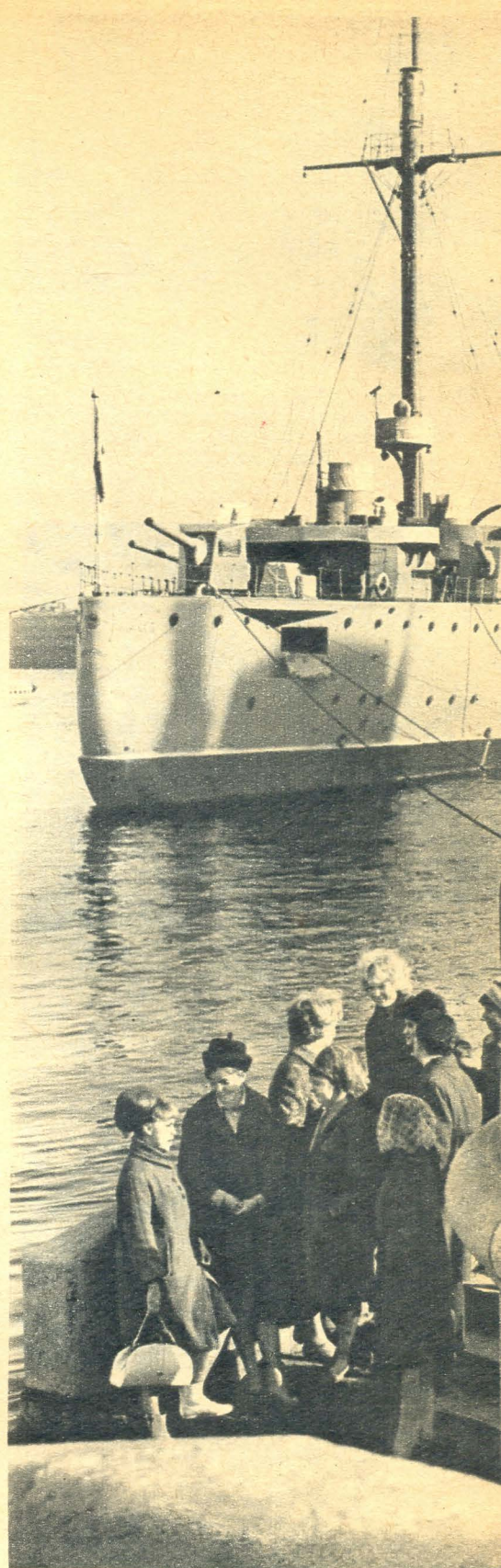
— Отдали под завод помещение музыкального техникума. Как доставить туда станки, оборудование? На себе, другого транспорта нет. Все были грузчиками: и директор, и инженеры, и лаборанты. Я сейчас диву даюсь: и сытым-то не под силу. А у нас от голода круги перед глазами.

Нина Иасоновна Романовская, сборщица цеха № 11:

— Прибор — штука капризная, чистоту любит. Моешь, бывало, пол, а вода в углах тут же льдистой корочкой покрывается, такая холодина. Работали и под обстрелом. И по две смены с завода не уходили, хотя дома у каждой ослабевшие ребятишки да старики.

Галка Васильева, секретарь заводского комитета комсомола:

— Мне всего три года было. Первое отчетливое воспоминание: вдруг я ясно, совсем по-взрослому поняла — больше ничего мне не хочется, сейчас я умру. Мама давно не вставала. Мы лежали с ней в

После работы молодежь «Вибратора» любит побродить по Петроградской набережной.

Фото Н. МАТОРИНА.

промерзшей комнате. Неожиданно кто-то забарабанил в дверь. Тишина — стук показался оглушительным. Мама не смогла встать, дверь взломали. Оказалось, ранили отца, он попал в ленинградский госпи-

Много гостей бывает на «Вибраторе». Но память о встрече с космонавтом Германом Титовым особенно дорога Гале Васильевой.

Вот он, золотой фонд бригады сборки М-17: Нина Иасоновна Романовская, Зинаида Федоровна Павлова и Анна Максимовна Киреева.

Сколько труда и поисков предшествует созданию нового прибора! На снимке: старший инженер лаборатории № 8 Нина Васильевна Корсакова.

таль и оттуда прислал нам пакет с сухарями.

Не случайно рассказ Гали — человека молодого поколения — я тоже привожу здесь.

Гали и ее сверстницы встали в один строй с матерями, вынесшими на своих плечах невыносимое. Сегодня завод — их общая работа, общая судьба.

Работая здесь, Гали окончила техникум, стала в своем цехе мастером. Потом комсомолцы «Вибратора» выбрали ее своим вожаком. И она рвется теперь между ненормированной, трудной, любимой своей работой, курсами английского языка и факультетом философии.

— Без английского, как без рук, — горячо объясняла она мне. — За технической зарубежной литературой следить надо? А философия — тоже очень важно и интересно. И на субботник надо, и в музей, и про новую книгу ребята спорят — не будешь же сидеть в сторонке с умным видом.

Биография Гали, рост ее, разносторонность ее интересов и увлечений — может, это и есть яркая примета сегодняшнего «Вибратора»?

Хорошие приборы (порой пока еще и совершеннее наших) делают и капиталистические предприятия. Но разве там, в мире капитала, завод будет так любовно растить человека, как растили Галку? Разве там есть основания у человека относиться к предприятию, как относится к «Вибратору» она? («Вы знаете, вот уеду в отпуск, так последние дни прямо сама не своя — быстрее бы на нашу Петроградскую набережную!»)

Мне кажется небезынтесным привести здесь несколько отзывов иностранцев, посетивших завод.

Их поражают темпы роста производства, например, то, что за последнее семилетие объем его увеличился в 2,65 раза, а производительность — в 1,9 раза. Беатриса Хиггинс из Шотландии пишет: «Я считаю, что вы очень смелый народ».

Они отмечают высокий уровень технической оснащенности. Президент японской электронной фирмы г-н Такэда Икуо: «Нам доставило большое удовольствие побывать на этом заводе, имеющем самую новую технику».

Их восхищают здесь условия работы: «Я видел на вашем заводе рабочих, которые трудятся в условиях, достойных человека. Жукхри Абделлатиф, Марокко».

Но все-таки особенно удивляет тех, кто приезжает из стран капитализма, отношение наших людей к труду:

«Получил большое удовольствие от знакомства со счастливыми, довольными людьми. Джозеф Джонлейн, Англия».

Труд и радость. Совмещенность этих понятий... Мы порой и не задумываемся, как велико это наше завоевание.

На «Вибраторе» меня познакомили с одним интересным документом. Он называется сухо и сложно: «План социального развития коллектива завода на 1966—1970 годы». А посвящен именно тому, как будет расти и крепнуть союз труда и радости.

Чем же отличается этот план от прежних производственных планов? Да тем, что, знакомясь с ним, мы видим не только завтрашний день производства, а и близкое будущее людей завода. План отражает заботу о том, чтобы стали они образованнее и духовно богаче, принципиальнее и увереннее в себе. Словом, чтобы они стали счастливей.

...Как-то мне довелось услышать превосходное определение человеческого сча-

стья. На одном из вечеров известный турецкий поэт-революционер Назым Хикмет сказал: «Много философов и поэтов думали об этом. Много громких слов сказано о счастье. Но больше всех меня поразили слова одной скромной девушки-работницы: «Счастье — это когда очень хочется идти на работу, а после работы очень хочется идти домой».

Не правда ли, здорово сказано? Так много кроется за видимой простотой слов!

Вот для того, чтобы «очень хотелось идти на работу», и предусматривает план:

внедрение в семи производственных цехах и отделах завода научной организации труда; механизацию и автоматизацию производственных процессов; повышение заработной платы низко- и среднеоплачиваемым работникам на 20—30 процентов; за-

"О самом светлом на земле"...

М. РОМАНОВА

Зволнованный и озабоченный,
Он приезжал на наш завод...
Неторопливую с рабочими
Он вел беседу у ворот...

И по душам, как равный с равными,
И просто, как в одной семье,
Он говорил о самом главном —
О самом светлом на земле...

И не было ни фотовспышек,
Ни микрофона в проходной,
Но видел Ленина и слышал
Из края в край весь шар земной.

мену технологических процессов на вредных работах и ликвидацию профессиональных заболеваний; внедрение установок кондиционирования воздуха... и многое другое.

А чтобы «очень хотелось после работы идти домой», завод позаботится о строительстве за счет фонда предприятия жилого дома на 100 семей; о строительстве дополнительного утепленного корпуса для пионерского лагеря — зимой его можно будет использовать и для отдыха заводских туристов; о создании условий для учебы каждого — в вузе или техникуме, профтехучилище или школе рабочей молодежи (даже такую вроде бы мелочь не упустили из виду: «оборудовать вечернюю школу рабочей молодежи № 32 наглядными пособиями и новой мебелью — срок 1967 год»).

Я читаю сухие строчки плана и вижу, как тесно переплетены в нем мечты одного человека и цели всего коллектива. Когда я читаю: «Повышение квалификации производственных рабочих в среднем на 0,5 разряда», — я слышу слова Люды Яков-

левой, одной из лучших сборщиц цеха экспонетров:

— Я сейчас в ремонтной бригаде. Работа тонкая, по пятому разряду оплачивается. А у меня пока четвертый. С пятым у нас мало, очень сложный экзамен надо сдать. Но мы с девочками готовимся, решили сдать во что бы то ни стало. У нас завод такой, что нельзя не учиться.

Действительно, завод такой, что не рasti, не учиться здесь невозможно. Директор «Вибратора» Абрам Маркович Дамский (кстати говоря, он бессменно руководит заводом со дня создания) сказал мне:

— Нам и на миг зазеваться нельзя. Поотстал немного — и уровень мировых стандартов нас уже перепрыгнул. Спать некогда!

И в плане записано строго: «Опреде-

Для проведения исследовательской работы предполагается заключить договор с финансово-экономическим институтом и организовать на заводе общественное бюро социально-экономических исследований.

Не надо думать, что ученые будут открывать Америки. Нет, они будут изучать то, что уже есть в сегодняшней нашей жизни.

Например, я посоветовала бы ученым заглянуть в гальванический цех и познакомиться там с хромировщицей Евдокией Ивановой Гусевой. Вполне возможно, они не услышат от нее громких слов о моральном удовлетворении. Скажет просто:

— Работа как работа. Двадцать лет тут. Привыкла.

Но пускай не верят ее сдержанности. Ведь не выдержит, тут же начнет хвалиться перемена:

менения в социальной структуре коллектива», я бы подсказала такой адрес: одиннадцатый цех, бригада сборщиц М-17. До чего же наглядно можно увидеть здесь эти изменения!

Золотой фонд бригады — это Нина Иасонова Романовская, Зинаида Федоровна Павлова, Анна Максимовна Киреева, Мария Никитична Песоцкая, работающие на заводе больше 20 лет. Они как бы задают всей бригаде высокий тон.

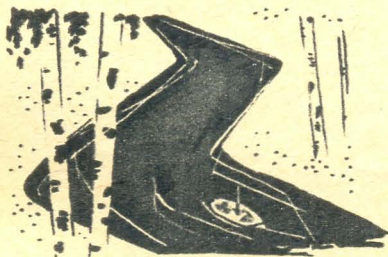
— У нас считается: их школа — лучшая аттестация для сборщика. Все новые, самые высокочувствительные приборы идут сначала через них, — говорит технолог цеха Евгения Владимировна Тыкман.

О законах бригады Евгения Владимировна рассказывает с полным знанием дела: ее собственная трудовая биография начи-

Где шелк знамен в притихшем зале,
Где люди, как отцы, строги,
Мне алой книжки не вручали,
Что с силуэтом дорогим.

Но в эту истину из истин
Я верю с юношеских лет:
Гораздо больше коммунистов,
Чем партбилетов на земле...

И копь в судьбе моей неладно
И горя груз не по плечу,
Тогда в райком иду за правдой,
Как ходоки шли к Ильичу.

Отчий край мой в солнечных сполохах
Милый край в ромашковом дыму!
Даже с полуслова, с полувздоха
Я тебя почувствую, пойму.

Бежит река
Между березок русских,
Несет суда,
Качает невода.
И каждый день —
Одно и то же русло,
И каждый миг —
Все новая вода...

ОКТАБРЬСКИЕ ЛИСТЬЯ

День ото дня редеют,
Вот-вот сойдут на нет...
Но как они умеют
На солнце пламенеть...

лить всем работающим форму учебы». И конкретно, по годам рассчитано, когда и какой ожидается «урожаи» дипломов.

Не случайно же стремятся на «Вибратор» ленинградские ребята и девочки, оканчивающие школу. Спросите у кого-нибудь из них: почему ему или ей хочется попасть именно сюда? Услышите: «Привлекает перспектива». Если перевести слово «перспектива» на точный язык плана, оно звучит так: «Постепенное уменьшение социально-экономических различий между работниками физического и умственного труда, между квалифицированным и неквалифицированным трудом».

* * *

Любому ясно: тебе очень хочется идти на работу, если эта работа, помимо материального удовлетворения, дает тебе и моральное.

«Изучить развитие общественно-коллективной и личной материальной и моральной заинтересованности трудящихся в развитии производства», — записано в плане.

— Когда пришла, ванны травления в станках были да колбочках. Как первобытные, честное слово! Без охоты в наш цех шли — тяжелым считался, грязным. А теперь смотрите: автоматические линии, конвейеры.

Такая ревностная заинтересованность, такая теплота прозвучат в ее словах, будто это специально для нее переоборудовали цех и будто она сама и есть виновница всех перемен.

И верно, виновница. Начальник цеха рассказывал мне про Гусеву: обычно после хромирования требуется дополнительная операция — глянецвание. А Евдокия Ивановна старается подобрать такой режим температур, чтобы получилась деталь идеально гладкой и ясной. Заработка это ей не прибавляет: последует глянецвание или нет — платят одинаково. Но Гусева сознательно усложняет свою работу. Что ею руководит? Не та ли самая моральная заинтересованность, изучение которой задумано в плане?

А для изучения такого вопроса, как «из-

налась здесь. Училась в вечерней школе, потом окончила техникум. И вот теперь начальство над прежними своими учительницами. Она ли одна? За эти годы многие из молодых перегнали ветеранов образованием.

Дети идут по стопам родителей. У Зинаиды Федоровны Павловой дочь на «Вибраторе». У Анны Максимовны Киреевой сын работал здесь, сейчас на 5-м курсе электротехнического института. А у Марии Никитичны Песоцкой дочь Рая в этой же бригаде, скоро окончит вечерний техникум.

Идут дети по стопам родителей. Обгоняют матерей, которым в свое время помешала учиться война, борьба с разрухой. Поднимаются на новые ступени.

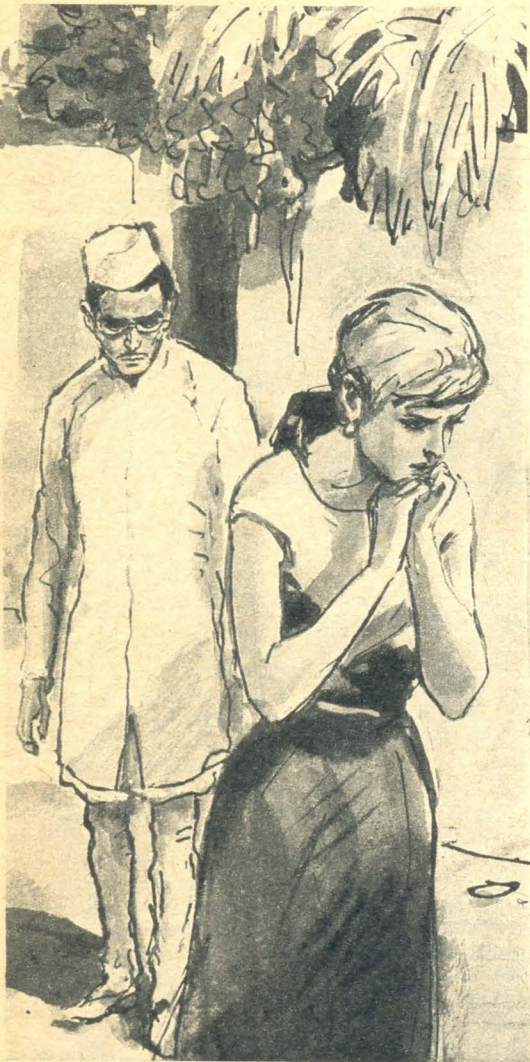
И с высоты новые горизонты раскрываются перед ними.

Никому еще не удалось ступить ногой на линию горизонта. Кажется, вот он, совсем близко. А двинешься в путь — и убегаешь вперед горизонт, увлекая мечтой...

Судьбы человеческие*

Леонид ПОЧИВАЛОВ

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

Индия, Дели. 1961 г.

Шофер входит в комнату и сообщает:

— Вас хочет видеть какая-то леди.

— Какая леди?

— Белая... Но только по-английски она не говорит.

Вот уж нехстати! Я чертовски занят — срочная статья для редакции. Еще конца не видно, а через несколько минут должна вызывать Москва.

* Главы из книги «Мы — за границей», которая выходит в этом году в издательстве «Молодая гвардия».

Выхожу. У двери невысокая молодая женщина. Лыняные волосы заплетены в косу, узлом уложенную на затылке. Круглолица. На щеках веснушки. Маленький, чуть вздернутый нос... Вроде никогда не встречал, а лицо чем-то знакомо.

— Я хотела бы поговорить с вами, — произносит она по-русски, и в ее голосе я чувствую неуверенность просителя. — У меня к вам просьба. Очень большая просьба!

Приглашаю в дом. Протягиваю журналы:

— Посидите, пожалуйста, почитайте. Я должен закончить работу и срочно передать в Москву.

Она привстает со стула:

— Вы будете разговаривать с Москвой?

— Да. А что?

Женщина нервно сжимает рукой хрустящую обложку журнала:

— Не могли бы вы... не могли бы, потому, конечно, когда сами переговорите, переключить меня на маму? Только на одну минутку... на одну...

— Переключить невозможно. Разговор служебный.

Она понимающе кивает:

— Извините, пожалуйста, извините.

И, покорно опустившись на стул, раскрывает журнал. Но глаза ее над журнальной страницей словно каменеют. Кажется, нет ничего, кроме думы, нелегкой и тревожной... Я чувствую, привела женщину ко мне беда. Беда — в горестно опущенных уголках детских губ, в усталом движении руки, когда она убирает со лба выбившуюся прядку, беда в старых, с порванными ремешками босоножках на привыкших к каждодневной беготне ногах. Она задвигает ступни глубже под стул, прячет босоножки.

...И вот узнаю невеселую историю. Москвичка. Работала в магазине. Однажды в парке познакомилась с Ахмедом. Он приезжал в Москву с родственником по какому-то торговым делам. Одет, как джентльмен, весь в «заграничном», галантен. Забавно коверкая русские слова, говорил Вале светские комплименты. Русских слов знал не больше сотни, но они все-таки умудрились объясниться. С Ахмедом было приятно показаться на людях. Идет по улице, прохожие оглядываются. Высокий, стройный, красиво смуглый, ярко черноволосый, массивные, в тяжелой с золотом оправе очки придают лицу значительность и строгость. Валя была уверена: не одна подружка завидовала ей. Да и как не завидовать: рядом с ней не какой-нибудь искатель приключений, а вполне положительный человек, культурный. И к московской продавщице Вале относился с огромным уважением. К тому же индеец. А во всех газетах и журналах об Индии писали только самое хорошее.

В первый день знакомства она его спросила:

— Вы дипломат?

— Ноу.

— Инженер?

— Ноу.

— Аргист?

— Ноу.

Он назвал себя «бизнесменом».

Кто такой бизнесмен, Валя толком не ведала. Кажется, это не совсем хорошо. Вроде капиталиста, эксплуататора. Но он тут же ее успокоил. Просто у его мамы несколько каменных домов и несколько автомобилей, их она сдает в аренду. А он, Ахмед, ее наследник. Он тоже будет сдавать в аренду свое богатство и зара-

батывать много денег. Но если Валя захочет, он сможет пойти учиться, чтобы стать инженером или ученым.

Однажды Ахмед подарил Вале сумку из красной кожи с медным многоруким индийским богом вместо застежки. Сумке завидовали не только подружки, но даже незнакомки на улице. Было досадно только, что ее единственные «на шпильках» желтые туфли не соответствовали красному великолепию Ахмедова подарка. И костюм Валя для такой богатой сумки был простоват и дешев.

Ахмед говорил: и туфли, и сумки, и одежда в Индии стоят пустяки. Конечно, для тех, у кого есть средства.

Однажды в кафе-мороженое, выпив бокал шампанского, Ахмед вдруг взглянул на Валю в упор горящими глазами и, волнуясь, заявил:

— Я и вы... жениться. Вы — мой жена. Коршо?

Она не спала всю ночь. Валя мать сидела на кухне и плакала. Заснула Валя лишь под утро. Ей снилась Индия: пальмы в кадках, слоны в понахах, как в цирке, черные автомобили и белые дома. И еще Ахмедова мать — скуластая, темноволосая, с постным, иконным лицом, закутанная в длинное, до пят сари. Такой Валя видела ее на фотографии...

Вот начало этой истории. А конец печален. Приехали в Индию. И оказалось, что ни домов, ни автомобилей у Ахмеда нет и не будет. Мать Ахмеда, женщина суровая и властная, и раньше не очень-то жаловала бездельника-сына. А когда он вернулся из заграничных странствий с женой, выбранной без материнского благословения, да еще с белой, «нечистой», невестушкой, совсем отмахнулась от сына: живи, мол, как знаешь. И Ахмед, который готовился стать богачом, оказался нищим. Нищим с женой-иностранкой. К тому же родилась дочь. Родственников множество, а помочь некому. Каждый живет для себя. Один, правда, сжалился: пустил жить в пустующий гараж, разрешив кормиться со слугами. Вот и живет теперь молодая москвичка Валя Д. на чужой стороне в гараже и кормится остатками с хозяйского стола.

— Чем же я могу вам помочь? — спрашиваю.

— Возьмите на работу моего мужа.

— Но, к сожалению, в корпорации нет для него никакой работы.

— Тогда помогите куда-нибудь устроиться.

— Послушайте, Валя, здесь же другая страна. Куда я могу его устроить и кем? Что он умеет делать? Печатать на машинке может?

— Нет!

— Водить машину?

— Нет, не умеет. Но вы все-таки попробуйте его устроить. — В ее голосе звучит упрямое желание заполучить хотя бы маленькую надежду. — Прошу вас. Он научится. Я помогу...

— Вы?

— Да! Да! Я сперва чему нужно сама научусь. А потом помогу ему. Я привычная. Работы не боюсь. Все сделаю. Только устройте. Вы должны помочь. Должны! Я же советская гражданка. — Последние слова произносит уже требовательно. Но тут же, опустив голову, дрогнувшим голосом добавляет: — Надо же нам как-то жить...

Мне жаль ее. Я обещаю что-нибудь разузнать. Она уходит, горбатая, шаркая босоножками.

Слежу за ней в окно. Вышла из подъезда. Остановилась. Провела рукой по ли-

цу, приподняла и опустила плечи, вздохнула. Из-за кустов соседнего сквера вышел долговязый худой человек. Большая лохматая голова выхлещается на тонкой шее — вот-вот обломится, как маковая корбочка. Волоча ноги по асфальту, покорно плетется он вслед за Валею.

...Они давно ушли, а я никак не могу успокоиться. Не идет из головы эта Валя Д. «Вы должны помочь. Я же советская гражданка...» Требуется. Мы все с юных лет привыкаем чего-то требовать от государства и общества. Если что не ладится — идем в профком, партком, пишем в газету: помогите! Вы должны помочь! И помогают... Не всегда, конечно, но чаще всего помогают. Потому что обязаны. Так устроена наша жизнь. А здесь, в капиталистической стране, никто никому ничего не обязан. И куда же Вале пойти, как не к своим?

Неужели это и вправду любовь? Любовь с первого взгляда? Ведь они даже объясниться-то толком не могли. Встречались всего несколько недель. Какое уж тут «единство душ»! Покорил одной галантностью и «заграничным» видом.

Нет на свете ничего горше, чем разлука с родиной. И никакая любовь не может перебить тоски по родной земле! Но любовь бывает разная.

...С Марией я познакомился лет десять назад в Варшаве. Средних лет женщина. Русоволосая, как Валя. В лице славянская мягкость и доброта. А судьба солдата.

Тридцать шестой год. Мадрид. В советской колонии работает молоденькая переводчица-практикантка. На одном из приемов с ней знакомится работник поль-

ского посольства. Приглашает на танец. Потом еще и еще. С того дня на каждом приеме поляк рядом с ней. Ищет встреч на улице, поджидает у дома. Он молод и настойчив. И нравится Маше. Каждая встреча — великая радость и страх. Тадеуш из буржуазного посольства. Вместе быть невозможно. Лучшее не встречаться. Но однажды он сказал: «Я — коммунист». Она поверила. Потом мятеж генерала Франко. Республика формирует части Сопротивления. Неожиданно в дом к Марии приехал Тадеуш, посадил в автомобиль и повез в советское посольство. Там сказал: «Я люблю эту женщину. Она будет моей женой. А сейчас мы вместе уходим на фронт».

Так, не разлучаясь, они прошли всю войну. Воевали в 7-й интернациональной бригаде, о которой в Испании пели: «Там, где встала седьмая бригада, — смерть фашистам! Они не пройдут». Была Маша медсестрой, стрелком, связисткой. Когда последние разбитые отряды республиканцев перешли Пиренеи, Тадеуш и Мария были с ними. Потом французский лагерь для интернированных. Оккупация гитлеровцами Франции. Снова борьба. Подполье. Отряды маки. Однажды Марию схватили враги. «Русская?» «Да, русская. Советская гражданка». Ее посадили в тюрьму. Товарищи помогли бежать. И снова борьба.

Тадеуш и Мария награждены боевыми французскими орденами. Когда Германия капитулировала, они переехали в Польшу, на родину Тадеуша.

Вот история настоящей любви...
...Завтра ко мне придет Валя. Что ей сказать? Чем помочь? Надо все-таки что-то придумать. Поеду к консулу.

ты, как большие беспомощные звери, жмутся к зданию аэропорта.

В остуженных воздушными кондиционерами залах полным-полно народу. Все транзитники. Лица размякли в скуке. Переговариваются вяло, невесело.

Нас, пассажиров «Кометы», ведут в ресторан. Пока мы пережевываем неизменные дорожные бифштексы, по радио объявляют: «...в связи с задержкой вылетов самолетов компаний... туристское агентство приглашает пассажиров посетить Сингапур». Мои соседи по столу недовольны. «Господи! И чего там смотреть, в этом Сингапуре!» — вздыхает пожилая австралийка, моя соседка по самолету.

А я рад. Больше того, благодарен небесным стихиям за то, что разбушевалась. Редкая удача для журналиста побывать в Сингапуре! Советским ведь туда виз не дают.

Бегу в бюро туристского агентства. За конторкой европеец с тяжелым, мясистым лицом.

— Ваша фамилия, сэр?
На конце вместо «в» он ставит два «фф», превращая меня в немца.

— Национальность?
— Русский.

Он поднимает на меня маленькие красноватые глаза.

— Подданство?
— Советского Союза.
— А паспорт у вас есть?
— Разумеется.

Помощник агента, молодой франтоватый китаец с блестящими, будто мокрыми волосами, с любопытством поворачивает голову в мою сторону.

— С какого самолета?
— С «Кометы».
— Пожалуйста, три доллара, сэр. Паспорт сдадите на контроле.

Я молчаливо ликую.

Но китаец вдруг вежливо касается плеча агента и равнодушно произносит:

— «Комета» вылетит точно по расписанию, сэр. Только что сообщили...

Стоит ли говорить о моем огорчении! И чего это вздумала «Комета» очертя голову лезть в самое пекло грозы, когда другие самолеты отлично расположились в Сингапуре!

Медленно бреду к своему креслу в зале ожидания. И тут, торопливо семеня короткими кривыми ножками, догоняет меня франтоватый китаец из туристского агентства. Протягивает какую-то книгу.

— Извините, сэр, — говорит он с поклоном. — Неделю назад в этом зале один джентльмен забыл эту книжку. Кажется, он был вашим соотечественником. В книжке есть адрес. Может, вам удастся вернуть ее хозяину?

На обложке стоит: «Иван Бунин». Томик потрепанный. Уголки картонной обложки обломаны. Меж страниц пустой конверт с адресом... «Малый Каретный переулок...» Малый Каретный... Совсем недалеко от старого московского дома, где я родился. У отправителя фамилия, которая вызывает улыбку, — Иванушкин.

Бог ты мой, в какую даль занесло этого Иванушкина с Малого Каретного! Должно быть, летел в Австралию или Японию. А здесь, как и я, пережил непогоду. Благодарность ему за неожиданный подарок! Будет что почитать в дороге.

Объявляют посадку. Несмотря на грозу, летим. Говорят, у англичан на этой трассе отличная метеорологическая служба. Умеют в неприступной стене экваториальных гроз находить как раз те щели, через которые можно протолкнуть иду-

Окончание на 12—13-й стр.

„Была Когда-то Россия..“

Сингапур, 1961 г.

Над аэродромом ползут низкие, густо обвешанные серебряной мишурой молний тучи. В непрестанном блеске молний видимый мир — серое железобетонное здание аэровокзала, зеленое поле аэродрома, прочерченное геометрически прямой асфальтовой линией взлетной полосы, маслянисто-яркая бахрома пальмовых лесов по краям поля, — озаренный зловещим голубоватым отсветом, полон тревоги и напряжения.

Тучи идут с юга, с Яванского моря. Наверное, путь на юг закрыт надолго. Брюхатые трансконтинентальные самолеты

СВЕТ

ЛЕНИНСКОЙ ПРАВДЫ

Мрачная пора реакции наступила в России после поражения революции 1905 года.

«Царское правительство, — вспоминала о том времени Н. К. Крупская, — жестоко расправлялось с революционерами. Тюрьмы были переполнены, в них царил самый наторжный режим, происходили постоянные избиения, смертные приговоры следовали один за другим. Нелегальные организации вынуждены были уйти в глубокое подполье... преследовалась деятельность всяких легальных обществ, профессиональных союзов, печатных».

Полицейские репрессии обрушились и на многих женщин — активисток партии. Большевички Е. Д. Стасова, К. Н. Самойлова, Р. С. Землячка сосланы в Сибирь; арестованы десятки работниц — участниц революционных выступлений.

Но заключенных в тюрьмы, погибших заменяли новые отряды борцов. В те годы вступило в РСДРП много рабочих, и в их числе печатница К. И. Николаева, ткачиха А. В. Артюхина, ставшие потом известными деятельницами партии.

Революция 1905 года дала народу великие исторические уроки.

«Никакие виселицы Столыпина, — писал В. И. Ленин, — не заставят забыть этих уроков. Урок дан. Урок усваивается. Урок будет повторен».

Большевики находили и использовали любые возможности, легальные и нелегальные, чтобы влиять на настроение рабочих, готовить их к новым битвам. Они искали такие возможности и для работы среди пролетарок.

В 1908 году женские буржуазные организации создали Всероссийский женский съезд. Центральный и Петербургский комитеты РСДРП решили использовать трибуну съезда, чтобы заявить о целях социал-демократии и о своем отношении к женскому движению, а подготовку к съезду использовать для политической агитации в массах работниц.

Съезд открылся 10 декабря 1908 года в зале Петербургской городской думы. Публика в основном самая «избранная»: жены фабрикантов, купцов, министров, крупных царских чиновников. Были здесь также учительницы, писательницы, врачи. Были и работницы — маленькая группа: 45 из 1 053 делегатов. Крестьянок — ни одной!

Ясно, что речи буржуазных дам не имели ничего общего с интересами трудящейся женщины. Но вот объявляется доклад «Женщина-работница в современном обществе». От рабочей группы съезда выступает Александра Михайловна Коллонтай.

— Ваша цель, — обращается она к буржуазным «поборницам равноправия» (так называли себя феминистки), — возможно лучше устроить женщин (разумеется, женщин определенной социальной категории) в современном эксплуата-

торском мире, мире «стонов и слез». Цель пролетарок — заменить старое, антагонистическое общество новым, светлым храмом труда и братской солидарности.

В заключение А. М. Коллонтай огласила требования программы РСДРП по охране женского труда и материнства.

О том, как реагировала на это аудитория, вспоминает участница съезда А. И. Иванова.

«Наши требования вызвали радостные возгласы и аплодисменты со стороны рабочей делегации и бурю негодования со стороны буржуазных дам. Они вскочили со своих мест, затопали ногами, закричали: «Не хотим слушать! Долой! Вон!» 15 минут длилась эта бешеная обструкция. Сидевший в зале полицейстер Петербурга растерялся, не зная, что предпринять. Ведь это не какой-нибудь деревенский «бабий бунт», а неустово шумели жены видных правителей России, «цвет» петербургского общества».

Обструкция не достигла цели. Делегация работниц выдвинула своих докладчиков во всех четырех секциях съезда.

Буржуазные дамы «равноправки» предлагали объединиться в общеженскую, «внеклассовую» организацию.

— Не объединяться с вами надо, а бороться, — говорила, выступая на секции, одна из работниц — Голодные и холодные пролетарки не будут плестись за рысаками буржуек.

Своих пропагандистов партия направляла в профсоюзы, клубы, культурно-просветительные общества. На Выборгской стороне Петербурга действовало Сампсониевское общество просвещения. В одной из его школ вела уроки литературы видная большевичка Прасковья Францевна Куделли. «Сверх программы» она знакомила учеников-работниц с революционными событиями в России и за рубежом, просвещала в вопросах политэкономии. Многие ученики Куделли пришли потом в ряды большевиков.

«Вначале я познакомилась, конечно, только с легальной работой: со школой, библиотекой, концертами, вечеринками, — вспоминает о тех годах большевичка Соколова-Сарафанникова. — Постепенно мне стали поручать дежурство у входных дверей. При этом часто приходилось принимать или передавать деловые письма, пакеты или что-нибудь на словах. Нередко устанавливался пароль. Затем меня стали посылать связной на фабрики и заводы. Позднее по поручению Петербургского комитета РСДРП мы, девушки-работницы из Сампсониевского общества, стали ходить в тюрьмы к арестованным товарищам под видом сестер, жен, невест. Мы передавали деньги, белье, сообщали сведения о семье, партийные новости».

А политических новостей становилось все больше. В 1910 году наметилося начало нового революционного подъема. Печать сообщала о стачках в Москве, Луганске, Ро-

стове-на-Дону. Грозным эхом отозвался в сердцах пролетариев расстрел безоружных рабочих на Ленских золотых приисках в апреле 1912 года. В забастовках протеста, прошедших в крупных городах России, участвовало 300 тысяч рабочих и работниц.

В мае 1912 года вышел первый номер легальной марксистской рабочей газеты «Правда». Она несла в массы пролетариата свет ленинских идей.

Большевистскую газету выписывали, читали, распространяли и материально поддерживали тысячи рабочих и работниц. «Правда» печатала их письма и корреспонденции. Работницы Российской-американской мануфактуры жаловались:

«Мы отданы на личное благоусмотрение мастера. У него нет другого названия работниц, как «сволочь», а то и хуже... Если мастер заметил малейший брак, который легко исправим, то он, не считаясь с этим, швыряет работу в лицо работницы с площадной руганью».

А вот письмо с Невского стеаринового завода:

«Чтобы поступить на выработку, надо поправиться приказчику, съездить с ним в город прогуляться. А то просто пожалуйте на чердак, где у него приготовлено место».

«Вереница писем, — пишет «Правда», — о положении женщин на фабриках и заводах, писем, которые нельзя иначе назвать, как письма из ада».

В номере «Правды» за 20 января 1913 года появилась новая рубрика — «Женский день и работница». Трудящиеся женщины России готовились впервые отметить Международный женский день. Вела новый раздел секретарь «Правды» Конкордия Николаевна Самойлова. «Правда» рекомендовала темы докладов, публиковала статьи о женском труде. Петербургский комитет РСДРП создал специальную комиссию и выпустил листовку с призывом устраивать на предприятиях женские митинги и собрания. 17 февраля «Правда» напечатала приветствие работницам от большевиков — депутатов IV Государственной думы.

В Международный женский день «Правда» открывалась сообщением, что «в зале Калашниковской биржи (Харьковская ул., 9) состоится научное утро по женскому вопросу. Начало в 1 час дня. Плата за вход — 5 копеек». Петербургские власти сделали все, чтобы это было только «научное утро»: первые ряды в зале занимали жандармы, во дворе разместились конная полиция. Но в сознание работниц этот день вошел как событие незабываемое и значительное. Анна Ильинична Елизарова писала позже:

«Этот первый женский день и первое большое на митинге выступление работницы сыграли огромную, решающую роль в движении женщин-работниц. С этого дня организация их, запись в

В. И. ЛЕНИН. Рисунок народного художника СССР Н. ЖУКОВА.

профсоюзы, клубы и просветительные общества, участие в нелегальной работе пошли вперед большими шагами».

Растущая активность женщин-пролетарок настоятельно выдвигала задачу создания женского журнала. В конце 1913 года Владимир Ильич пишет об этом А. И. Елизаровой, а в письме к Инессе Арманд советует: «Беритесь архизэнергично за женский журнал».

ЦК РСДРП создал редколлегию будущего журнала, который решено было назвать «Работница». В нее вошли: Н. К. Крупская, А. И. Елизарова, И. Ф. Арманд, Л. Н. Сталь, К. Н. Самойлова, П. Ф. Куделли и другие.

На издание журнала царская администрация дала свое официальное разрешение. И, несмотря на это, редакция «Работницы», кроме А. И. Елизаровой, случайно избежавшей встречи с полицией, была арестована еще до выхода первого номера. К. Н. Самойлова вспоминала потом:

«Когда за несколько дней до международного праздника работниц вся наша редакция собралась днем для окончательного составления журнала, ворвались к нам охранники и полиция, обыскали и арестовали всех, несмотря на бывшее у нас на руках разрешение градоначальника на издание журнала «Работница», и отправили нас в участок. В участие наша редакция встретилась

со всеми остальными работницами, которые вели подготовительную работу к международному дню на фабриках и которые также были арестованы... Продержав в одиночных камерах... царское правительство... выслало всех нас из пределов Петербургской губернии на три года под надзор полиции. Арестовано было несколько человек и из присутствовавших в этот день на разрешенных собраниях».

И все-таки «Работница» родилась: оставшаяся на свободе А. И. Елизарова приложила всю свою энергию и добилась выхода журнала в свет. В 1914 году в Международный женский день российские работницы получили первый номер своего журнала.

В редакционной статье, автором которой была Н. К. Крупская, задачи «Работницы» определялись так:

«В последнее время у нас в России вопрос об организации работниц стал одним из самых злободневных и насущных вопросов... Перед нею (перед работницей. — С. Л.) встал целый ряд вопросов, ответа на которые властью требует от нее жизнь. Журнал «Работница» хочет прийти ей на помощь. Он будет выяснять малосознательным работницам их интересы. Будет указывать на то, что интересы у них общие со всеми рабочими, со всем рабочим классом, не только России, но и всех стран. «Работница» будет рассказывать о том, как объединяются рабочие повсюду для борьбы за свои права».

И работницы горячо приветствовали рождение своего журнала.
Вот письмо из Петербурга:

«...Вышел 1-й номер, и как будто светлее стало кругом, в груди теснятся радостные надежды! Нет, это не пустые надежды. Это глубокая вера: «Работница»... будет служить великому идеалу рабочего класса».

В журнал пишут металлисты, текстильщицы, печатницы, портнихи, табачницы, прачки, домашние прислуги и судомойки из чайных. Делятся с «Работницей» своими горестями, рассказывают о беспросветной нужде, о нечеловеческих условиях труда.

«Работница» считалась журналом легальным, и, чтобы не быть закрытой царской цензурой, говорить ей приходилось осторожно. Но факты, о которых сообщали корреспонденты, были слишком вопиющи, чтобы писать о них намеками. И «Работница» писала гневно, обличающе. Не случайно на два номера журнала из семи, вышедших в 1914 году, комитет по делам печати наложил арест, а против редактора оба раза возбуждалось уголовное преследование.

За что же такие крутые меры? Статья «Они рассердились», как явствует из донесения цензора, призывала работниц к «теснейшему сплочению рядов и к ожесточенной борьбе с хозяевами-фабрикантами». А для такого призыва были очень серьезные основания — о них-то и идет речь в статье А. И. Елизаровой. На предприятиях резиновой мануфактуры — фабриках «Проводник» и «Треугольник» — хозяева в погоне за прибылью стали применять в производстве мазь, выделяющую ядовитые газы. 12 марта на «Треугольнике» отравилось 200, а 13-го — 300 работниц.

«Работницы, — писала Анна Ильинична, — падали в обморок, изо рта и носа у них шла кровь. При падении некоторые из них ударялись о железные рамы и чугунные колодки и разбивались. Их поднимали и выносили, но выносившие падали часто сами. Некоторые бежали и падали на лестнице и во дворе».

События на «Треугольнике» вызвали всеобщее возмущение. Материал о чудовищной эксплуатации работниц на предприятиях резиновой мануфактуры поместила «Правда». Большевистская фракция в Думе внесла по этому поводу запрос.

Рабочие и работницы «Треугольника» объявили забастовку, на что администрация ответила угрозой локаута. С 17 по 20 марта по призыву большевиков в знак солидарности с пролетариями «Треугольника» в Петербурге бастовало 120 тысяч рабочих и работниц.

Революционный подъем в стране нарастал. Но трудовому народу предстояло новое испытание: в августе 1914 года Россия вступила в мировую войну.

С. ЛЮБИМОВА,
кандидат исторических наук

Тысяча новоселов

Фестивальный поселок — будущий культурный центр Гомеля. Пока он еще похож на большую строительную площадку, но уже во многих домах на окнах занавески, на балконах цветы, во дворах ребятнишки. А сколько зданий в заделе и еще на ватманских листах — не счесть!

Краны, краны, краны...

Иду напрямик мимо самосвалов и бульдозеров к только что отстроенному детскому комбинату. В помещении обычная для новоселов суэта: до блеска натирают полы и моют окна, расставляют мебель. Спорят, где лучше повесить кашпо с цветами: при входе или чуточку повыше, на лестнице. Обсуждают, какие занавеси подходят к стенам салатного цвета. Женская слабость — любовь к уюту — проявляется в полную силу.

А во дворе пока тихо. В торжественном ожидании стоят сделанные чьими-то искусными и добрыми руками дом-теремок, грузовая машина, паромод и даже космическая ракета. Нетрудно представить малыша, гордого и счастливого, на капитанском мостике. Или в кабине ракеты в шлеме космонавта — ну совсем как Гагарин.

Еще один новый дом для малышек. Еще 280 ребятнишек, а то и все 300, под заботливым присмотром воспитателей.

Около двадцати тысяч дошкольников посещают детские сады и ясли Гомеля. А сколько еще нужно мест, чтобы принять каждого ребенка, который в этом нуждается?

— Еще столько же, — отвечает председатель горисполкома Константин Алексеевич Михальченко.

Гомель — крупный областной центр Белоруссии. Интенсивно растет его промышленность, прибавляется рабочего народа, и пополнение идет главным образом за счет молодежи. А где молодежь — там свадьбы, новорожденные. Только успевай готовить сады и ясли. И город старается.

Из года в год перевыполняется план строительства садов и яслей. Взять, к примеру, нынешний, шестьдесят шестой. Был запланирован лишь один комбинат на 280 мест (тот, что в Фестивальном поселке). А строится восемь, на 1 260 мест. Тысячу мест сверх плана!

Совсем недавно — два-три года назад — на кондитерской фабрике «Спартак» не было острее проблемы, чем устройство ребятнишек. Производство в основном женское.

Выход был один — строить самим. И построили. Теперь здесь два своих детских учреждения — сад на 125 мест и комбинат ясли-сад на 140. Все матери успокоились.

Чулочно-трикотажной фабрике «8 Марта» нужно еще не одно детское учреждение, чтобы устроить всех детей. Но скоро подосплет шестой по счету комбинат ясли-сад. Он будет большим подспорьем. Заместитель председателя фабкома Владимир Иванович Зацепа шутит: «Дай бог не последний!»

Строят детские учреждения за счет фонда предприятий и станкостроительный завод имени Кирова, и завод торгового оборудования, и Управление белорусской железной дороги, и молокозавод...

Надо отдать должное гомельским строителям: не было случая, чтобы они не уложились в намеченные сроки. Я была на стройке детского комбината завода имени Кирова. По плану намечено сдать дом в четвертом квартале. К середине августа оставалось только закончить внутреннюю отделку здания и установить оборудование в кухне и прачечной.

— А что тянуть? — говорит прораб Василий Петрович Гапоненко. — Летом строителям легче работать...

Работают, судя по всему, с душой. Прораб рассказал, что по проекту на территории комбината обозначен душ. Но нужно ли, нет ли подводить туда горячую воду, проектировщики указать забыли. Где теперь взять дополнительные трубы? Как оплачивать земляные работы, не предусмотренные сметой? Вот что волновало прораба в тот день, когда я с ним встретилась. Василий Петрович мог бы подвести холодную воду — и попробуй приде-

рись к нему. Но это если формально подходить к делу. А если по совести? Малыши даже в жаркий день могут простудиться, барахтаясь в студеной воде. А чуть разбавь ее горячей — и пусть купаются в жару, как утята, вволю.

Рядом еще один только что отстроенный детский комбинат завода торгового оборудования. Ребятишкам повезло: вместе с новым домом они получили большой, тенистый яблоневый сад. Нынче в Гомеле необыкновенный урожай яблок, и ветви деревьев гнулись под тяжестью крупных плодов. Каждый день детям подают к столу сочные, вкусные яблоки из собственного сада!

Не буду приукрашивать: конечно, не все детские учреждения размещены в новых зданиях, много старых домов, специально приспособленных.

Взять хотя бы комбинат № 8. Его посещают 420 детей. Признаюсь, я не сторонница таких крупных детских учреждений. Мне кажется, что в них большая вероятность инфекционных заболеваний, труднее создать уют, ощущение «домашности», ребята быстрее утомляются в таком коллективе. Но мое мнение поколебалось, когда я увидела жизнь этой большой семьи. В доме уютно, спокойно, совсем не замечаешь, что здесь собралось чуть ли не полтысячи детей. Конечно, для такой гвардии и дом дали большой (там раньше было общежитие). Его переоборудовали, сделали отдельные входы в каждую группу. И на территории у каждой группы свой участок с беседкой. Разбредутся по двору малыши, и вроде бы их не так уж и много.

Заведует детским комбинатом Екатерина Леонтьевна Башаркина, заслуженная учительница БССР, депутат Совета Центрального района города. Про Екатерину Леонтьевну говорят, что она воспитала добрую половину городского населения. Более двадцати лет заведует она детскими учреждениями. Сейчас к ней приводят детей папы и мамы, которые сами были ее воспитанниками.

...Еще гудела земля от взрывов, а в только что освобожденном от гитлеровских захватчиков Гомеле, разрушенном и разграбленном, открывался первый детский сад. И создала его Екатерина Леонтьевна.

— Кое-как залатали небольшой жилой домишко и собрали туда бледных, изголодавшихся, напуганных ребятнишек, — вспоминает Екатерина Леонтьевна. — Не хватало кровати, постельного белья, кормили из консервных банок. Посмотришь, бывало, на детей, и плакать хочется... Вот вы считаете, что трудно работать, когда много детей, — вернулась она к началу нашего разговора. — Разве это трудности в сравнении с тем, что мы тогда испытывали? Теперь мы богаты не только детьми...

Екатерина Леонтьевна оживилась и стала рассказывать о своих богатствах. С детьми занимаются музыкой — в зале стоит новое пианино... Старшие группы имеют отдельную, хорошо оборудованную классную комнату... Красивая мебель, много игрушек, игр... На специальных автобусах ребятнишек возят на экскурсии и даже нередко устраивают загородные прогулки на катере по реке Сож.

...Мне не впервой приходится выезжать в командировки по поводу строительства детских садов, яслей. Наслышалась я жалоб на финансовые затруднения, на дефицит строительных материалов, на отсутствие квалифицированных кадров... Думается, те же трудности есть и в Гомеле. Но здесь, я заметила, не принято ссылаться на них. С кем бы я ни разговаривала — с работниками ли горисполкома, со строителями или с воспитателями, — все искренне заинтересованы в том, чтобы детям было хорошо.

И еще я думала: это замечательно, что об ужасах, пережитых нами во время войны, о своей бедности мы можем говорить в давно прошедшем времени: было, было, было...

И, наверное, чаще надо сравнивать то, что было, с тем, что есть у нас сейчас, чтобы в полную меру оценить достигнутое.

Л. БУРМИСТРОВА

СЕСТРА ИЗ АНАДЫРЯ

«Ни днем, ни ночью покоя!» — предупредили молодого фельдшера Валентину Семину, когда она решила работать в санитарной авиации.

«То, что надо!» — ответила Валя.

Часто летят в Анадырь тревожные радиogramмы: «Срочно нужна медицинская помощь!» Они приходят в дождь, пургу, жару, в пятидесятиградусный мороз. И фельдшер тотчас вылетает на вертолете к тем, кто ее ждет.

И так одиннадцать лет. Вале знакомо теперь на Чукотке любое стойбище оленеводов, и повсюду у нее друзья.

Нынешний год принес Вале большую радость — она стала студенткой Хабаровского медицинского института. Пройдут незаметно годы, и Валя Семина вновь прилетит на землю Чукотки, только уже доктором.

На снимках:
От нее ждут решения.
Пришла помощь.
— Здоров, старый друг?
После дальнего рейса.

Фото Л. ДАНИЛОВА.

В. УЛЯНОВ. МОЛОДЫЕ.

ИНОЙ ЖИЗНИ нет

В. МОРОЗОВА

Исполнилось 90 лет со дня рождения Конкордии Николаевны Самойловой — мужественного пролетарского борца, представителя ленинской гвардии большевиков.

Молодой курсисткой-бестужевой вступила Конкордия Громова (девичья фамилия Самойловой) в революционное движение. С 1903 года — член РСДРП. Пять раз ее арестовывали, держали в тюрьмах, отправляли в ссылку.

Талантливая журналистка, она в 1912 году стала активным корреспондентом «Правды» и ее ответственным секретарем.

Много сил отдала Конкордия Самойлова работе среди пролетаров, являлась одним из организаторов журнала «Работница».

Жизнь К. Н. Самойловой трагически оборвалась в 1921 году: она умерла от холеры во время рейса агитпарохода «Красная звезда». Похоронена в Астрахани.

В серии книг В. А. Морозовой о женщинах-революционерках Конкордии Самойловой посвящена одна из повестей. События, о которых рассказывается в публикуемом ниже отрывке, относятся к 1903 году. В повести активно действует и другая большевичка — Прасковья Францевна Куделли.

Конкордия Николаевна Самойлова.

— **М**не нужно вставить фарфоровый зуб.
— Фарфорового зуба нет. Приходите завтра. Возможно, привезут из Гомеля.

Конкордия облегченно вздохнула. Гусев, молодой худощавый человек, долго тряс ей руку: пароль, который она получила в Париже, давал ей право войти в жизнь Тверского комитета РСДРП.

С шумом распахнулась дверь. Вбежала Паша Куделли и бросилась приехавшей на шею.

— Кона, милая! Какая радость! — Счастливая, взволнованная, она затеребила подругу. — Из Парижа, да?.. Долго ли там была? Да отвечай же!

— Как отвечать, если ты слова не даешь вставить! — Конкордия широко улыбнулась, что всегда очень шло ей. Обняв Пашу за плечи, кивнула на диван: — Присядем?

Гусев не стал мешать разговору подруг, вышел.

— Ну так вот, — начала Конкордия. — Пробыла я в Париже почти год. Слушала лекции в Высшей школе общественных наук — в той, что организовал Ковалевский. Приезжал туда Владимир Ильич, читал лекции. Я тебе передать не могу, какого это ума человек! Каждая лекция — открытие. Нет, не буду говорить на ходу. Потом изложу все обстоятельно... А однажды я услышала, как он советовал товарищу: «Езжайте в Россию. Вы ведь практический работник. В таких у нас особенная нужда...» И так мне захотелось домой, что уложила вещи и укатила... А как ты-то в Твери оказалась? Давно здесь?

— Сразу после нашего ареста. Тебя в Иркутск загнали, а меня — сюда под гласный надзор. Сказать по правде, это не худший вариант: недалеко от обеих столиц, район рабочих, Морозовская мануфактура. Дел хватает, а на людей голод... У нас про-

шла страшная волна арестов. Уранов словно взбесился. Обыски провел по всему городу.

— Уранов? — переспросила Конкордия.

— Да, Уранов, начальник Тверского жандармского управления, — пояснила Куделли. — Хочет, чего бы это ни стоило, ликвидировать наш партийный комитет. Только из комитетчиков пока никого не смог схватить...

— Ну, а меня куда определите? — спросила Конкордия, когда Паша в подробностях рассказала ей, как «усердствует» Уранов.

— Дело найдется. Да, а где ты остановилась?

— У сестры Натальи, недалеко от кафедрального собора. Муж ее — смотритель духовного училища. Семейство, сама понимаешь, вне подозрений. К моему приезду прибыла сюда и мать с младшей сестренкой. — Конкордия поднялась, поправила шляпу. — Заходи, у меня есть для тебя подарки. Дом найдешь легко: красивый, с башенками, как на немецких ратушах.

...Комната, которую сестра приготовила к приезду Конкордии, была небольшой и уютной. Стены оклеены белыми обоями, на окнах прозрачные тюлевые занавеси. Мебель мягкая, удобная. Журнальный столик, инкрустированный бронзой. На нем букет гвоздик: Наталья знала, какие цветы сестра любит больше всего.

Куделли с удовольствием огляделась.

— Светелка, Кона, настоящая светелка... А это парижское? — Она взяла со столика зеркальце с медной окантовкой.

— Парижское... Вот еще альбом... Коробка от Пакэна, самого модного в Париже магазина, — в ней я привезла матушке тальму с гарусом.

Паша удивленно взглянула на Конкордию. Помолчала. Повертела коробку с яркой наклейкой.

— Однако не думала, что ты там туалетами занималась.

— Приходилось.

Тихонько постучавшись, в дверь вошла Калерия, младшая сестренка. Конкордия улыбнулась ей, мягко попросила:

— Принеси, пожалуйста, таз с теплой водой.

— Таз?— удивилась Калерия.

— Да, эмалированный. И чтобы вода была непременно теплой.

Когда сестра вернулась, Конкордия, закрыв на задвижку дверь, ловко сняла ножницами медный ободок с зеркала, отделила стекло, а картон, на котором оно было закреплено, опустила в воду.

— Кона! Что ты делаешь?— испуганно вскрикнула Калерия.— Ты же испортишь!

Куделли ласково обняла девушку за плечи.

— Сейчас мы с тобою все пойдем,— проговорила она и вдруг, догадавшись, подвинула к Конкордии коробку от Пакзана, бесцеремонно сняла медные застёжки с парижского альбома. Разрозненные плотные листы с видами Парижа Конкордия погрузила в теплую воду.

— Теперь, девочка моя, поди последи, чтобы никто из домашних не поднялся сюда ненароком.— Конкордия подтолкнула оторопевшую сестру к двери.— Заговори их, удержи в случае чего.

— Видишь, ничего особенного,— улыбнулась она Куделли.— Просто в Тверь прибыл «мелкий транспорт» нелегальной литературы. Этот клеевой состав изобрели недавно. Им пропитывают листы отпечатанной бумаги совершенно без ущерба для текста. Ты же знаешь: провозить литературу через границу с каждым днем труднее. Чемоданы с двойным дном, шляпные коробки— все это провалилось. Таможенники по стуку стали обнаруживать газету. И товарищи нашли состав. Склеивается много листов— и объем получается небольшой, и у таможенников нет никаких подозрений. Вот, получай.

Конкордия осторожно отделяла один от другого тонкие листы последних номеров «Искры», бережно раскладывала их по кружевному покрывалу.

Паша крепко расцеловала подругу.

— Нужно составить опись, распределить литературу по районам. Особенно о Заволжском надо подумать. Ой, как там кружки нужны! Возьмешься?

— Конечно!— Конкордия ловко прихлопнула мокрый листок на стенное зеркало.

...Шел третий месяц ее пребывания в Твери. Конкордию ввели в комитет. Время было тревожное. Город кишел филерами Уранова. А тут еще меньшевики понаехали и стараются восстановить комитет против решений Второго съезда. Кричат о расколе, пугают дисциплиной. Скольких боев стоила резолюция, подтверждающая, что Тверской комитет остается на позициях Ленина!

...Проходные ворота своей массивностью напоминали тюремные. Красный кирпич с белыми изразцами, висячие груши фонарей, огромный двуглавый орел. Славянской вязью: «Тверская мануфактура».

Конкордия ждала здесь Петра, молодого рабочего из прядильного цеха. Он проводит ее в Желтиковскую рощу, покажет, где собираются кружковцы.

Петр сразу приметил комитетчицу, хотя она ничем не выделялась среди других женщин, встречавших у проходной мужей: сегодня получка. На Конкордии простенькое ситцевое платье в голубой горошек, отделанное пышными оборками. Светлый платок повязан по-фабричному.

Позади остались казармы-общежития— двухэтажные почерневшие корпуса под железными крышами. Город скрылся в туманной дымке. Зеленой громадой придвинулся лес. Шли еще долго, пока не оказались перед стеной орешника и дубняка. Петр раздвинул кустарник: открылась поляна с большим обгорелым пнем.

— Вот и пришли! Замаялись? Это от непривычки далеко кажется...— Он помахал кому-то рукой.

Из густого кустарника вышли несколько рабочих. Степенно подоровавшись, начали рассаживаться вокруг пня.

— Ты, Волнухин, покарауль-ка на тропке. Если что— посвистишь,— сказал Петр молодому чернявому парню.

Парень неохотно поднялся. Вынул из кармана цветастый кисет, буркнул недовольно:

— Смени, долго стоять не буду. Послушать охота!

Петр согласно кивнул и повернулся к остальным:

— Знакомьтесь: товарищ Вера. Ее прислал городской комитет. Будет вести кружок.

Рабочие с любопытством разглядывали комитетчицу.

— Занятия начнем с разговора о покупке ткача Логинова на директора фабрики Кукка,— сказала Конкордия.

Слушатели придвинулись. Случай этот волновал всю Тверь.

Директор фабрики Кукк был известен своей жестокостью. Штрафами, угрозами довел он многих людей до отчаяния. И вот

Рисунок И. УШАКОВА.

Логинов раздобыл где-то револьвер и, когда Кукк пришел в цех, выстрелил в него. Сейчас, на занятии, Конкордия хотелось и настроение рабочих на свежем факте вывить и в контакт с ними войти. Долгим был этот разговор.

— Конечно, выстрелом тут дело не поправишь,— рассуждал старик в сатиновой рубашке.— Только Кукк был уж больно ядовит. Совсем задавил людей. Отлучился без спроса — три дня задаром работаешь, переночевал родственник в казарме—опять штраф!— Старик пригнал к ладони свои заскорузлые пальцы.

— Да чего тут зря говорить,— перебил вдруг старика рабочий с продолговатым нервным лицом.— Мы люди рабочие, и интеллигент наших бед все равно не понять. Им политику подавай!
— Ну, Швецов, опять волюнку затянул об интеллигентах,— недовольно бросил Петр.

«Зубатовец! Или просто не понимает»,— расстроено думала Конкордия о Швецове. Она внимательно вслушивалась. Нет, зло говорит. Да и песня-то старая: «Никто, кроме самого рабочего, душу его не может понять». Вот уже и старик в ситцевой рубашке сочувственно поддакивает ему.

Швецов, прищурившись, спросил:

— Вы сами-то откуда? Звать-то как? «Вере»— не верим!— Усмехнулся недобро, обидно.

— Ну, приятель, далеко зашел!— поднялся Петр.

— Пускай договаривает до конца!— Конкордия глядела требовательно, щеки ее пылали.— Боюсь, с чужого голоса поете, Швецов. Меня прислал к вам Тверской комитет Российской социал-демократической партии. По условиям подполья ношу конспиративное имя, настоящего сказать не могу. Это верно: я интеллигентка по воспитанию, но нет у меня иной жизни, чем вот эта — с вами, с рабочими, с партией, которая борется за рабочее дело!— Голос ее все твердел.— Жандармский полковник Зубатов решил взять мысли рабочих под контроль. Зубатовцы, а за ними и несознательные рабочие кричат: не надо, мол, интеллигентов, не надо политической борьбы. У рабочих, мол, свои особые интересы!— Конкордия повернулась к Швецову.— Я не хочу обижать вас. Может быть, вы не понимаете. Но вдумайтесь: интеллигенция идет с рабочими, не получая за это ни жалованья, ни наград. Идет на каторгу, в тюрьмы и даже на эшафот. И вот жандармы, не сумев запугать революционную интеллигенцию, пытаются оттолкнуть от нее рабочих вашими же рабочими руками. Но не выйдут! Мы боролись и будем бороться за право каждого человека на труд и счастье!

Возвращались из Желтиковской рощи в темноте. На небо высыпали бело-голубые звезды. Шли гурьбой. Конкордия чувствовала, что первый разговор сблизил ее с кружковцами. Только Швецов шагал поодаль, переговариваясь с Волнухиным, который был, как показалось Конкордии, целиком под его влиянием.

У развилки дорог разошлись.

Занятия в Заволжском районе продолжались. И еще одно дело взяла на себя Конкордия — восстановить подпольную типографию: прежнюю разгромила полиция.

— У нас есть шрифт, богемское стекло, краски, а главное — желание!— говорила она Паше Куделли.— Ну, дайте мне в помощь печатника Потапыча, и мы все наладим.

Старый домик неподалеку от Троицкой церкви отыскала для типографии Куделли. В окна вставили щиты, обитые войлоком. Конкордия пропадала здесь сутками.

Печатного станка не было. Набор вставляли в раму, ручным валиком накатывали краску, растертую на богемском стекле. Затем Конкордия накладывала лист бумаги, а Потапыч проводил по нему резиновым валиком — появлялся оттиск. Листовка!

«События всколыхнули застоявшееся болото нашего заолустья, заставили говорить о себе и город, и деревню, и фабричную массу. Теперь все убедились, что наши ряды, ряды борцов за человеческое счастье, не фикция... Теперь все убедились, что социал-демократы и у нас в Твери представляют из себя известную силу, силу организованную и революционно настроенную».— Конкордия перечитала листовку, удовлетворенно вздохнула.

Скоро одиннадцать. Придет Куделли, и они разносят пачки листовок по организациям. Вот когда пригодятся модные накидки, скрывающие фигуру. Листовки нужно доставить в казармы гренадерского полка, на фабрику Берга, Морозовскую мануфактуру. А там уж товарищи расклеят их по стенам, по фонарным столбам. И до дверей полицейских участков доберутся.

Резко дрогнул звонок. Конкордия прислушалась. Два длинных, один короткий. Условный. Но почему не вовремя? Потапыч сдвинул на кончик носа очки, глянул на часы. Сказал неуверенно:

— Пожалуй, «тетушка» пришла за товаром...

У Конкордии дрогнуло сердце: до прихода Куделли час. Она без крайности беспокоить не будет. Помедлив, набросила кружевную накидку. Осторожно прикрыла дверь каморки, где пе-

чатали листовки, повернула ключ, спрятала его в горшке с геранью, припорошив землей. Только после этого пошла к двери.

— Хорошо, что застала тебя!— Куделли раскраснелась от быстрой ходьбы, тяжело дышала.— Тебе нужно завтра же уехать в Екатеринослав. Так решил комитет. В твоём кружке провокатор. Кажется, Волнухин... Уранов подписал ордер на твой арест!

...Несколько месяцев Конкордия не получала вестей от своих: трудно было подобрать здесь, в Екатеринославе, проверенный адрес. И вот наконец письмо от Калерии.

События дома были печальными. Жандармы все перевернули вверх дном. Мать... Трудно представить ее переживания. А Калерия молодцом. Ее лишили права выезда. Фотографируют как преступницу. А в письме — ни слова упрека...

Конкордия бессильно опустила руки. Долго смотрела на огонь лампы. Вздохнув, принялась распечатывать книгу, пересланную из Твери: «Лев Толстой» в зеленом переплете. Нашла тринадцатую страницу. Принесла чугун с кипящей водой. В лицо ударила горячая волна пара. Осторожно подержала страницу над чугуном. Между печатными буквами выступила тайнопись. Что? Против нее в Твери возбуждено дело по обвинению в политическом убийстве?! Бред какой-то. Но ведь пишет Куделли, значит, правда.

Оказывается, в ночь ее отъезда был убит Волнухин. Черную роль здесь сыграл Швецов, тот самый, в котором она подозревала зубатовца. Он так действительно поддерживал отношения с охранкой. Он и Волнухина подбил на провокаторство, соблазнив двадцатью пятью рублями. И тот выследил Конкордию, установил ее фамилию. Чтобы рассеять недоверие кружковцев, Швецов выдал им Волнухина. И вот Волнухин убит...

Итак, объявлен всероссийский розыск. Даны телеграммы на пограничные пункты о ее незаемдательном аресте и препровождении по месту совершения преступления...

...Конкордию арестовали в тот же день на квартире, где она занималась с рабочим кружком. Ротмистр сразу же усадил напротив Конкордии жандарма с револьвером и запретил двигаться. Ее заставили положить руки на стол, предупредив, что при первом же резком движении будут стрелять. Ясно, что ее принимали за террористку. С грустью смотрела она, как бесчинствовали жандармы. Со стен сорвали вышивки и коврики, разворошили кровать и, разбросав по полу подушки, топтали их грязными сапогами. Хозяйка, черноглазая хохлушка, пыталась было защитить свое добро, да остановилась под строгим взглядом мужа. На крашенные половицы длинной кочергой выгребли золу. Ротмистр сорвал икону, выломал заднюю крышку. Железными крюками подняли половицы. Обыск результатов не дал.

...Тверь приняла ее неприветливо. Город был окутан молочным туманом. На разъезженной мостовой чернел грязный мартовский снег, с ветвей падали крупные капли.

Конкордия шла по мостовой между жандармами. На Дворцовой площади ударили старинные часы. Двенадцать! Припомнила, что обычно в это время возвращается из городской библиотеки Калерия. Только бы не встретить сестру, не испугать ее. Каково ей будет видеть родного человека, окруженного жандармами да еще с шашками наголо... Так и есть! На перекрестке у театральной тумбы стояла Калерия. Вот она отошла от тумбы и расширенными глазами смотрит на приближающуюся процессию. Ветерок вздымает пелерину ее пальто, перекидывает концы полосатого шарфа.

Конкордия жадно разглядывала дорогое лицо с округлыми дугами бровей и пухлым, полудетским ртом. Сестра сделала несколько шагов навстречу, путаясь в длинной юбке. Узнала. Побелела-то как! Прижала руку к губам, чтобы не закричать. Конкордия невольно замедлила шаг.

— Про-хо-ди!— грубо прикрикнул жандарм.

Калерия стояла маленькая, сжавшаяся, не вытирая слез. В грязя лежала папка с тетрадами — она даже не заметила, как обронила ее. Конкордия прошла мимо. Глаза ее потеплели.

Жандармы вышагивали по бокам. Раз-два; раз-два... Ноги скользили по грязи, разъезжались... Раз-два, раз-два...

Уранов не скупился на очные ставки. Приводили рабочих-кружковцев. По их расстроенным лицам, по сочувственным взглядам она понимала: признали. Один такой взгляд перехватил ротмистр. Подскокил к старому рабочему.

— Узнал?! Она — Вера, она же Конкордия Громова...

— Нет, не узнал,— твердо сказал рабочий.— У нас была другая барышня!— Он низко ей поклонился.

Ротмистра взорвало:

— Ты чего, мерзавец, поклоны отъеживаешь? Говоришь, не та, а сам кланяешься! Хочешь в каталажку за ложные сведения, старый черт?!

— Не кричи, не кричи, ваше превосходительство!— спокойно ответил рабочий.— Сказал, не знаю. А поступаю я по обычаю!— И опять низко поклонился девушке...

Крепкий сплав

Любовь СОКОЛОВА,
начальник планового отдела
Московского комбината твердых сплавов

В цехе искусственных алмазов в стенку вбит гвоздь. На гвозде на петельке из медной проволоки висит толстая, со следами многих замасленных рук, клеенчатая тетрадь — «Журнал резервов производства».

«Предлагаю сделать подножку у пресса — работать будет удобнее. Прессовщица Чистякова».

«Считаем, что на нашем участке работу прессовщицы можно совмещать с работой дробильщицы. Это даст экономию в зарплате, повысит производительность».

Прессовщицы Лотова, Чистякова».

«Предлагаю изменить конструкцию пресс-форм. Это даст...» И опять «предлагаю», «предлагаю».

А на другой странице, против каждой записи, — решение, определяющее судьбу предложения: «внедрить» или, еще лучше, «внедрено», пометка «спорно» и рядом мнение того, кто не согласен с предложением, его доводы и расчеты.

Такие «Журналы резервов» велись в наших цехах и раньше. Но после того, как комбинат перешел на работу по новой системе экономического планирования и материального стимулирования, популярность их необычайно выросла. Чуть ли не каждый рабочий оставил в журнале свой требовательный автограф.

Наш твердосплавный инструмент очень нужен народному хозяйству. Алмазные долота, с помощью которых нефтяники бурят скважины, тысячи различных резцов, сверл, фрез, оправок — вообще все то, чем машиностроители режут, точат, шлифуют, сверлят, шлифуют металл, — все это носит нашу марку, марку «КТС».

Конечно, нам есть чем гордиться. Но сейчас мне хочется поговорить о другом: о том, что до недавнего времени качество нашей продукции практически на жизни ком-

бината не сказывалось. Реформа, поставив нас лицом к лицу с потребителем, заставила взглянуть в выражение этого лица. Надо, чтоб на нем было одобрение; чтоб инструмент понравился, чтоб его купили. Теперь наши успехи определяются веским словом «реализовано», а не безликим «сдано на склад».

Вот небольшой пример: новороссийский завод «Красный двигатель» давно просил у нас синтетические алмазные бруски большей точности. Достичь нужной точности нам не удавалось, но мы не огорчались: откажется этот завод, так заберет другой.

Теперь план реализации считается выполненным лишь при том условии, если наш инструмент возьмут те заводы, по заказам которых мы его делали. «Заберет другой» уже не выручает, пришлось думать, как добиться нужной потребителю степени точности.

Перестроили участок, установили дополнительное оборудование, прессы, печи. Десятки предложений записали по этому поводу в «Журнале резервов» рабочие, много внесли нового и начальник цеха Маргарита Сергеевна Агеносова и технолог Нина Ивановна Гурьянова. И добились: бруски стали выходить после закалки точнейшими. Новороссицы сказали «спасибо».

Работа по-новому подвергла трезвому экономическому анализу всю жизнь завода. Прежде в цехе знали только одно — выполнить план по количеству.

Теперь, когда непременным условием цехового хозрасчета стала плата за основные фонды, коллективы цехов придирчиво пересмотрели все свое имущество — нет ли оборудования, которое устарело, бездействует, хранится про запас. Выяснилось, что на 30 тысяч рублей оборудования можно продать и завод от этого не пострадает, на-

оборот, освободятся производственные площади.

То же и с новым оборудованием. Бывало, что заказывали и не очень нужное; пусть будет, авось, когда-нибудь пригодится. А когда оказалось, что лишняя техника снижает прибыль (ведь ее считают в зависимости от основных фондов), никто не закажет того, что для производства сегодня не нужно.

Еще прошлой осенью, когда составлялся план на 1966 год, мы объяснили всему коллективу: сумеем взять больший план, а затем и выполнить его — получим больший фонд материального поощрения. Ищите резервы. Поиски оказались настолько успешными, что мы взялись дополнительно изготовить на 400 тысяч рублей инструмента. От этого и фонд материального поощрения вырос на одну треть.

Эту зависимость между количеством и качеством нашей работы и заработком мы стараемся сделать явной и зримой для всех рабочих завода. Во втором цехе висит такой плакат: «Товарищи карбидизаторы! Вы непосредственно участвуете в накоплении фонда материального поощрения. Помните, что один килограмм сэкономленного карбида вольфрама стоит 2 тысячи рублей!» У нас каждая прессовщица, которая отвеживает смесь для прессования на аптекарских весах, знает, как дорого наше сырье, и поэтому счет экономии идет даже не на килограммы, а на граммы и миллиграммы.

Собирают не только отходы — кусочки, которые потом размалывают и пускают снова в дело. По предложению прессовщиц второго цеха стали собирать «просев» — вольфрамовую пыль.

Прибыль заводу дает и повышение надежности наших изделий. Чем лучшего качества будет инструмент, или, как мы

„Была
когда-то
Россия!“

Окончание.
(Начало на 4-й стр.)

щие в этот район самолеты. «Кометы», на зависть другим компаниям, приходят и уходят точно по расписанию.

Моя соседка — австралийка — спрашивает:

— Вы огорчены, что не побывали в Сингапуре?

— Огорчен, — признаюсь я. — Охотно провел бы там несколько часов.

Она кивает.

— Понимаю вас. В первый раз всегда интересно. А я уже все, все видела.

И по тону чувствую: эту женщину ничем на свете не удивить.

Раскрываю буинский томик. Наугад

выбираю главку. «Подснежник»... «Была когда-то Россия, был снежный уездный городишко, была масленица — и был гимнастик Саша...»

Гнутый круг иллюминатора, словно лампа-блик, озаряет меня слепящими вспышками молний. Сквозь непогоду несет нас «Комета» куда-то на юг, где в душевной мгле экваториальной ночи дремлет средь теплого океана большой остров — цель моего пути.

Была когда-то Россия... Был старый степной городок, засыпанный метелями...

Странно! Хотел попасть в Сингапур. В «бананово-лимонный», о котором пели ко-

говорим, чем выше будет коэффициент его стойкости, тем дольше он будет служить, тем реже его придется менять и затачивать. И пускай этот экономический эффект скажется не у нас, а у потребителей: существует специальная шкала, по которой мы можем подсчитать такую «экономическую эффективность в будущем» и брать за более стойкий инструмент более высокую цену.

Как же действует механизм материального стимулирования? Это прежде всего новая система премирования по профессиям, которая четко определяет, кто, за что и какой суммой может быть премирован. Прессовщики и спекальщики получают премию, если уменьшат отходы; карбидизаторы — если они будут точно соблюдать технологию; рабочие производства искусственных алмазов — если они получают алмазы большей каратности; инженеры, техники, работники снабжения и сбыта — если будут вовремя и четко выполнять план реализации. Премия составляет от 15 до 20 процентов заработка.

После полугода работы по-новому комбинат смог создать за счет отчислений от прибыли фонд материального поощрения — 184 тысячи рублей, фонд социально-культурных мероприятий — свыше 100 тысяч и значительный фонд развития производства.

Сейчас в цехах идет обсуждение, как лучше, как справедливее распределить фонд материального поощрения между всеми, кто участвовал в его создании. Естественно, что больше других получают кадровые рабочие, такие, как М. Шапошникова, В. Борисова, которые работают на комбинате и дольше и лучше других. Те же, кто прогулял или посмел появиться на производстве в нетрезвом виде, лишаются права на дополнительное вознаграждение.

Мне хочется закончить одним сравнением. Твердый сплав, из которого мы делаем наши инструменты, состоит из вольфрама и кобальта. Каждый в отдельности эти металлы совсем не твердые: вольфрам хрупок, а кобальт вязок, — и только при взаимопроникновении, сплавляясь, они дают твердый сплав.

Вот так и новая система экономического планирования в сочетании с народной инициативой, с предложениями самих рабочих и создает тот чудесный крепкий сплав, тот инструмент, который поможет нам выполнить пятилетку.

Почему?

Фотографии эти в особых комментариях не нуждаются. И без слов ясно, что могут сделать уродливые спецовки с привлекательными, молодыми женщинами.

Прислали нам это фотообвинение лаборантки и аппаратчицы химического цеха Новочернасской ГРЭС.

«Такую спецовку мы получаем ежегодно, — пишут они. — Сейчас на нас халаты 52-го размера, рост 3-й. Продукция Таганрогского промкомбината. Меньших размеров наш отдел снабжения достать не мог. Оборудование у нас в цехе самое современное, а вот современная рабочая одежда продолжает оставаться только на страницах модных журналов».

Та же история, что со спецодеждой, происходит и со спецодеждой. «Мы получаем ботинки 40-го размера и выше, — сообщают проработавшие Краснокамского нефтеперерабатывающего завода. — Прямо-таки тонем в них!»

Работницы многих предприятий не хотят носить «безразмерные», неудобные спецовки и ботинки.

Но волнует их не только это. «Приходится все перешивать. Ширина брючины — 32 сантиметра даже в 48-м размере, — пишет арматурщица Сафарова с завода железобетонных изделий № 5 из Алма-лына. — Отрезаешь эти куски ткани и возмущаешься: ведь где-то текстильщицы стараются выпустить лишний метр ткани, швейники экономят сантиметры, а потом мы вы-

брасываем, если посчитать по всей стране, целые горы ткани».

Спецовки стоят дорого. Те же краснокамцы сообщают, что анкуратные, нужного размера халаты, которые они купили сами в магазине «Одежда», стоили на 2 рубля дешевле, чем халаты-уроды, купленные для них фабрикой.

«Почему же мы пускаем на ветер эти государственные рубли?» — возмущаются работницы.

Недавно Совет Министров СССР и ВЦСПС приняли постановление об улучшении обеспечения рабочих и служащих спецодеждой и спецодеждой. Хочется верить, что в ближайшее время те, от кого зависит выполнение этого важного решения, — прежде всего Министерство легкой промышленности СССР и Государственный комитет Совета Министров СССР по материально-техническому снабжению, — сделают все, чтобы не приходилось снова и снова задавать вопрос: почему?

гда-то на студенческих вечеринках. Пели и представляли, как «плачет» в бурю океан у пальмовых берегов. И мечтали: вот бы туда!

Сегодня оказался у самых сингапурских ворот, а войти не довелось. Словно в утешение, подарил мне Сингапур горестный «Подснежник», эмигрантскую тоску по России, родине, которая когда-то для кого-то была...

...«Подснежник», «Темные аллеи», «Лика»... Все читано и перечитано. И все-таки, уже забыв и о Сингапуре и о грозе за окном, брожу я сейчас по аллеям старого парка, грущу по милой Русе, плыву

по вечерней Волге на маленьком колесном пароходике и с большой думаю об утраченной Ликиной любви...

Под «Ликой» время и место создания повести: «1933. Приморские Альпы». Когда я был еще ребенком, где-то в Приморских Альпах, в таких же чужих и далеких, как этот Сингапур, который давно уже остался внизу, на дне ночи, сидел темноволосый, печально-красивый человек и писал о русской девушке, писал для того, чтобы спустя много лет я, летящий в английском самолете над Яванским морем, разделил с ним его скорбь от разлуки.

Как хорошо, что оказался рассеянным мой незнакомый земляк Иванушкин! И стоит ли горевать, что не побывал я в Сингапуре? Может быть, когда-нибудь еще повезет. А не повезет — и бог с ним! Впереди у меня месяц знакомства с новой страной. А потом сяду в самолет, и понесет он меня обратно через экватор из южного полушария в северное под блеск родных звезд.

...«Была когда-то Россия...» Какое счастье, что для меня она есть и будет.

М. А. Хантова

С ТОЛСТОЙ СУМКОЙ НА РЕМНЕ

...Четверть века назад так же шагала она с тяжелой сумкой по этим улицам. Только тогда не было здесь широкой асфальтированной площади перед театром оперы и балета, раскидистых тополей, ансамбля многоэтажных жилых зданий, гостиницы, «Гастронома». На улицах даже после маленького дождя ноги вязли в раскисшей глине. Стучалась в подслеповатые окошки саманных кибиток, с опаской заходила во дворы, откуда на разные голоса лаяли псы.

А конверты с похоронными? Бывало, женщина рыдает, а с ней и Мария Алек-

сандровна. Муж был там, где сложили головы тысячи других. И она ждала писем, и она страшилась дурной вести. Так, горюя, тревожась, надеясь вместе с теми, кто живет здесь, и сроднилась с ними.

Мария Александровна Хаитова знает каждую семью, почти как собственную. От нее не скрывают ни бед, ни радостей, ни обычных житейских новостей, которые приносит она в своей сумке.

Нынче она идет по улице не одна. Рядом шагает Валя Моргачева, молодой почтальон. Валя скоро заменит ее здесь, на этом участке. Что же делать? Настала пора уходить на пенсию. Вот только бы Валя все поняла как надо!

— Несешь письмо, а сама думай: может, в нем радость или печаль,— говорит Мария Александровна Вале,— не убегай сразу. Не отмахивайся и от таких...

Валя рассматривает плотный конверт, на нем выведено: «Душанбе, Тамаре Ивановне». Чем не «на деревню, дедушке»? — А куда же с ним? — растерянно спрашивает она.

Мария Александровна морщит лоб, что-то припоминает, разглядывая конверт.

— Знакомый почерк. Да и имя тоже знакомое.— И вдруг смеется: — Так и есть! Это Тамаре Ивановне Галаховой. Старая тетка ей пишет. Рассеянная стала...

Подходя к дверям квартиры, Мария Александровна подсказывает, каких здесь ждут газет и журналов.

— Ну и память у вас! — поражается Валя.

— Ничего, поработаешь немного и все запомнишь лучше меня. Трудно только после нового года бывает: привыкнешь, к примеру, «Комсомолку» носить, а люди выписали «Известия»... Не забудь, кстати: если кончился у кого срок подписки или заболел человек, напомни, а то и сама подпиши.

...Дни накануне ухода на пенсию были заполнены бесконечной суетой, напоминающей предпраздничную, хотя рубеж, который ей предстояло перейти, Мария Александровна отнюдь праздником не считала. На торжественных проводах товарищи так тепло говорили о ее безупречном трудовом пути, что Мария Александровна и смеялась и плакала. Кто-то даже подсчитал, что за двадцать шесть лет работы она доставила своим клиентам больше двух с половиной миллионов журналов, семьсот тысяч писем и бандеролей.

...Теперь незачем рано вставать, некуда спешить. Домашние дела отнимают немного времени: вся семья — муж да она... И все чаще наступают часы, когда неизмеримо важнее сегодняшнего становится прошлое. То почему-то вспоминала брезентовые ботинки, которые достались ей по ордеру в первый военный год: деревянные каблучки так стучали по коридорам учреждений, что люди выглядывали из кабинетов. То вытаскивала и разглядывала свои Почетные грамоты. Их много, но дороже всех полученная три года назад: в ней написано, что Хаитова — победительница республиканского соревнования работников связи, лучший почтальон Таджикистана.

А иногда охватывало беспокойство: все ли без нее на участке как надо, справляется ли Валя? Однажды не удержалась — заглянула в отделение связи. И словно бы не было никаких проводов, словно бы вернулась из отпуска. Ну, просто не смогла уйти!

— Хватит, отдохнула! — улыбаясь, говорила Мария Александровна своим старым знакомым, появляясь утром с сумкой во дворе.

И опять слышит она: «Здравствуйте, тетя Маша!»

Н. МОРОЗОВА,
И. ХАМЗИН

г. Душанбе.

ЕСЛИ ЛЮБИШЬ...

С Катей Р. мы знакомы уже несколько лет. Нередко она приходит на работу в слезах, а то и с синяками. Вот и сегодня: пришла и прячет от всех покрасневшие глаза.

— Почему ты позволяешь мужу обижать себя, Катя? Почему ты не даешь отпора?

Молчит.

Однажды я хотела вступить и пожаловаться в прокуратуру... Куда там!

— Не ходи,— просит Катя,— он убьет меня или уйдет совсем. А я хочу, чтобы у дочки был отец...

Нет, не согласна я с женщинами, которые позволяют мужу унижать женское достоинство. Прощают даже тогда, когда муж поднимает на жену руку.

Шесть лет я замужем. До замужества не успела окончить даже средней школы. Рано пошла работать на стройку. Здесь и встретила парня, который стал моим мужем. Он только что вернулся из армии. Образование у него тоже было невелико — четыре класса. Но работал хорошо и красивый был очень. Идешь с ним по улице — то и дело на него заглядываются. Красота и вскружила ему поначалу голову: думал, что для счастья ничего больше не нужно. Однажды он меня крепко обидел: «Помал-

кивай,— говорит,— а то поменяю». Услыхала я такие слова, открыла дверь и говорю: «Хочешь — отправляйся на все четыре стороны!» Он, конечно, никуда не ушел. Но я все-таки призадумалась, как жить дальше. Пошла учиться. Сначала на курсы. Окончила и стала работать на телеграфе. Одновременно училась в вечерней школе, потом поступила в заочный техникум. Нелегко мне это досталось. Первое время муж не радовался моим успехам. В школу не пускал, а однажды даже книги сжег... В школу я все равно пошла, а домой не вернулась — переночевала у подруги.

Утром чуть свет прибежал на работу:

«Прости, не сердись, пойдем домой. Тоскливо без тебя, строптивой».

Тут уж не он, а я поставила условия, как дальше жить. Неловко, мол, от жены отставать. Смотрю, начал брать книги в библиотеке, журналы выписывать... Скоро окончит десятилетку.

А что было бы, если б я смирилась с прежними взглядами мужа? Может, он меня сейчас и за человека не считал бы... Нет, нельзя мириться с недостатками любимого человека. Если любишь — борись за свое и его счастье.

Татьяна Д.

г. Тайшет.

ВНИМАНИЕ!
ПОДПИСКА НА НАШ ЖУРНАЛ ПРОДОЛЖАЕТСЯ
ДО 25 НОЯБРЯ!

Принимают подписку распространители печати по месту работы, конторы «Союзпечати» и отделения связи.

Цена на год — 1 руб. 20 коп.

В объективе женщины разных стран

Фотомастера десятков стран мира прислали свои работы в Москву, на выставку «Интерпресс-фото-66».

Перед вами два снимка с этой выставки. Сделанные далеко друг от друга, один — в Марокко, другой — в Польше, один серьезный, другой шуточный, оба снимка посвящены одной теме: как новое в борьбе со старым утверждается в жизни женщин.

Доминик РОЖЕ
(Франция).

Эмансипация женщин
Марокко.

Иозеф МАКАЛ
(Польская Народная
Республика).

«Стыдно!»

Недавно французский журнал «Эр илер» опубликовал интервью с Жаннеттой Торез-Вермерш — вице-президентом Союза французских женщин. Член Политбюро Французской коммунистической партии, Жаннетта Торез-Вермерш принимала участие в работе XXIII съезда КПСС.

Интервью, данное ею французскому журналу, мы печатаем с небольшими сокращениями.

В первый раз я побывала в Советском Союзе в 1929 году, делегаткой текстильщиц департамента Нор. Потом я приезжала в Москву в 1933 и 1935 годах, во время войны и в послевоенные годы. Каждый раз, посещая Москву, я направляюсь в какое-нибудь памятное мне место и не узнаю его. Целые кварталы строятся здесь заново! Цифры, обнаруженные на XXIII съезде (например, 17 миллионов новых квартир), предстают в конкретном облике, и я сравниваю...

Улица Горького, которая в 1929 году называлась Тверской, была и тогда центральной. Вдоль улицы — небольшие дома, выкрашенные в голубой, розовый и желтый цвета. Снег не убирался. Сани были чуть ли не единственным средством передвижения. Москва казалась большой деревней.

Сегодня Москва неузнаваема. И я имею в виду не только ее внешний облик, не только большие, современные здания. Когда я вижу замечательный Дворец пионеров в Москве и другие детские учреждения, построенные повсюду в Советском Союзе, то вспоминаю о голодных, оборванных сиротах, которых можно было еще встретить на улицах Москвы в 1929 году. Это было спустя всего восемь лет после окончания гражданской войны и иностранной интервенции. Впечатления тех лет позволяют мне наиболее полно оценить все, что сделано в СССР для детей: ясли, школы, все виды бесплатного обучения, включая танцы, рисование, музыку... Ведь у нас во Франции ребенка из рабочей семьи, если он хочет заняться музыкой, нигде учиться или нужны огромные деньги.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Рассказывать о детях — значит говорить и о женщине, о ее равенстве, о ее освобождении. Как разрешаются эти проблемы в СССР?

— XXIII съезд КПСС коснулся многих вопросов, имеющих отношение к женщине, к ее труду. Пока что рабочая неделя (она равна здесь 41 часу) не будет сокращена, но она строится таким образом, чтобы трудящиеся имели два выходных дня подряд. Тут я не могу удержаться от сравнений. Несколько дней назад я была в департаменте Верхняя Луара. Одна женщина рассказала мне, что в 1960 году она зарабатывала 50 тысяч франков в месяц, имея два выходных дня и работая 45 часов в неделю. В 1966 году она за те же деньги работает уже 54 часа, в том числе и в субботу. Совсем другая картина в Советском Союзе, где постоянно заботятся о том, чтобы у человека, для его всестороннего развития и роста, высвободилось все больше времени.

Часто говорят о Валентине Терешковой. Конечно, это великолепно, когда женщина отправляется в космос, где до нее дерзнули побывать только единицы из мужчин. Великолепно, что она остается при этом очень женственной, а после замужества становится заботливой матерью, трогательно относящейся к своей маленькой дочке. Понятно, женщина-космонавт — это все-таки исключение. Но допустимость для женщин любой профессии,

равенство в правах политических, юридических, экономических и социальных — все это воплощено в Терешковой!

Помнится, в мой первый приезд в Советский Союз самые передовые и современные женщины коротко стриглись («под мальчика»), курили — одним словом, старались иметь внешние признаки равенства с мужчиной. Сейчас в этом нет необходимости. В стране достигнуто подлинное равенство, которое, на мой взгляд, заключается в том, что в обществе одинаково развиваются и мужчины и женщины. Женщина процветает во всех областях жизни — как человек труда, как мать, как гражданка.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Думаете ли вы, что этим переменам способствовало и изменение психологии мужчин?

ЖАННЕТТА ТОРЕЗ-ВЕР

— Разумеется. Хотя более важно, конечно, общее изменение общества. Решающим явился сам факт признания полного равенства женщин и то, что государство создало для этого условия. Сеть социальных учреждений, воплощенное в законе равенство в заработной плате, в выборе профессии — все это меняло и отношение мужчин к женщинам.

Предрасудки, конечно, были и еще есть: они очень живучи. К тому же нельзя забывать, что Советский Союз — государство многонациональное и в некоторых республиках пережитки имеют глубокие религиозные корни. Зато именно здесь перемены разительней всего. В Узбекистане я была поражена тем, какую огромную роль играют там женщины. Президент республики — женщина, и это в стране, где всего сорок лет назад женщина сняла паранджу.

Это не частный случай. Во время Всемирного конгресса женщин в 1963 году я вместе с Мари Клод Вайян-Кутюрье посетила Ташкент и Самарканд. Мы познакомились там с женщинами — министрами, руководительницами предприятий и культурных центров. Социализм для женщин советских республик — тройное освобождение: национальное, социальное и женское.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Есть ли, по-вашему, конфликт между поколениями?

— Нет. Я вообще не очень верю в существование такого конфликта. Каждое поколение развивается в своем времени, живет собственной жизнью. Другое дело, что у матери, у отца случаются споры со своим сыном или с дочерью. У меня лично бывают столкновения с детьми, иногда по серьезным вопросам, а чаще по поводу прически, покроя брюк, оценки музыкального или литературного произведения. Так это же нормально. Не понимаю, почему из этого пытаются делать «конфликт»!

Главное — за капитализм вы или за социализм, за мир или за войну, за прогресс или против него — вот истинные проблемы! Молодежь, я в этом уверена, мечтает о лучшем будущем, о процветании человека. И мы мечтаем о том же. Ради них, наших детей. Но мы не только мечтаем, мы и боремся. Вместе с молодежью, вместе с нашими детьми.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Туристы, посещающие СССР, часто интересуются витринами, фасонами женской одежды. Ощутимы ли изменения в этом смысле?

— Да, конечно, успехов немало. Я помню время, когда на витринах лежали овощи и сыры, сделанные из дерева. Тогда немного можно было купить. Впервые изобилие овощей (не деревянных) я увидела в Москве в 1935 году.

Было время, когда ткань любого качества, любого цвета немедленно расхватывалась. Нужда была столь велика, что покупали абсолютно все. И стояли в очереди за всем. Выбора не было. А выбор — дело великое. Когда женщина стоит перед десятком кусками разной ткани, это способствует развитию вкуса.

В Москве женщины красивы. Больше всего здесь светлых блондинок с серыми глазами. Они образованны, воспитанны, и, поскольку у них появляется свобода выбора товаров, парижанки по части элегантности рискуют однажды оказаться позади москвичек...

Очень важно, что советская женщина не знает неуверенности в завтрашнем дне. А парижанка знает. Когда я смотрю на парижанок в метро или в автобусе, мне больно за них, я угадываю их заботы. Не хочу утверждать, будто у советских женщин нет проблем, они есть. Но уверенность в жизни, в своем будущем позволяет людям легко себя чувствовать. Они твердо говорят, что завтра будет обязательно лучше, чем сегодня.

ская набе-

Такой стала Фрунзенская (бывшая Хамовническая) набережная Москвы.

Фото Н. ГРАНОВСКОГО (ТАСС).

МЕРШ: «Я СРАВНИВАЮ»

КОРРЕСПОНДЕНТ. Вы жили в СССР в военные годы. Можете ли вы поделиться впечатлениями о том периоде, о женщинах?

— Даже сегодня, столько лет спустя, я не могу говорить о том времени без волнения. Думаю, что ни один народ не может представить себе всю тяжесть страданий, которые пришлось пережить советским людям в войну. Требовалось безграничное мужество, чтобы перенести такое. Я видела женщин, которые в страшный мороз сушили на своей груди детские пеленки... Я видела разрушенные текстильные фабрики, не прекращавшие работу. Женщины трудились, по сути дела, на улице, в морозы, достигавшие 40 градусов. Они заменяли мужчин на заводах, в колхозах. Они формировали батальоны противовоздушной обороны, были врачами, медсестрами, партизанками, летчицами. Они сражались за свою страну, за социализм, за тот строй, который принес им раскрепощение. Я не знаю, как женщины могли выдержать все это. Они всеми силами стремились к победе.

...Когда я слышала, как с трибуны XXIII съезда говорилось об увеличении на 19 процентов (а для колхозников от 35 до 40 процентов!) заработной платы, о дошкольных учреждениях для 12 миллионов детей, когда я слышала о том, что обязательным скоро будет десятилетнее образование, что в магазинах поступят за пятилетку 19 миллионов стиральных машин, я радовалась. И как было не радоваться!

В Советском Союзе есть свои трудности. Например, сельскохозяйственное производство развивается более медленно, чем промышленное. Объем сельскохозяйственной продукции вырос в последние годы только на 14 процентов, и это в связи с ростом населения создает известные затруднения. Поэтому новым планом намечен значительно больший прирост продук-

ции сельского хозяйства: на 25 процентов.

У нас во Франции тоже есть государственный план. Сейчас пятый по счету. Всякий раз, когда кончался каждый из предыдущих, нас уверяли, что производство выросло. И это правда. Только кто от этого выигрывал? Конечно, не те, кто работал. Потому что планы производства, производительности труда никак не согласуются с потребностями народа.

Некоторые люди не любят сопоставлений. Но когда они их делают, то убеждаются, что советский народ достиг невероятного прогресса в масштабах человечества. А если бы не было войны, если бы империалистическое правительство не сопротивлялось советской идее разоружения, успехи СССР были бы сказочными.

Сейчас советские люди вынуждены тратить силы и средства на то, чтобы обеспечить оборону свою и всего социалистического лагеря. Это делается и на наше благо, на благо всех народов мира. Чтобы наиболее быстро построить коммунизм, СССР в высшей степени заинтересован в разоружении. Конечно, это так. Но в разоружении заинтересованы все народы, все от него выиграют, в том числе и французский народ и народ американский!

КОРРЕСПОНДЕНТ. Гостеприимство и искренность советских людей известны. Не можете ли вы рассказать о каком-нибудь случае, иллюстрирующем эти черты?

— Сколько угодно. Если уж мы дошли до этой темы... Вот. Многолюдность столичных улиц поражает. Жители всех городов и деревень стремятся побывать в Москве. На улицах вы видите людей в самых разнообразных костюмах и головных уборах, а самыми различными прическами, со всевозможными сумками, саквояжами. Однажды я ехала с сыновьями в метро. Рядом с нами сидела семья из какой-то национальной республики. Мы го-

ворили с сыновьями, конечно, по-французски. Соседка спросила: «Вы из какой республики?» «Из французской», — ответила я, и мы с женщиной рассмеялись. Завязалась беседа, которая стала общей. Узнав, что мы путешествуем по стране, все старались дать нам совет, что и где увидеть, что и где купить.

А в другой раз я покупала в магазине самовар. Все, кто был при этом, старались мне помочь выбрать «самый лучший». Разумеется, меня никто не знал, и друг друга они не знали...

Советские люди живут с открытым сердцем. Когда встречаются друзья — это великолепная картина. Такую же обстановку дружелюбия встречала я еще среди наших шахтеров в департаменте Нор.

...Хочу сказать, что уже во время первой поездки в СССР я почувствовала глубокую дружбу советских людей к народу Франции. Что, в сущности, разделяет наши страны? Различие в экономической и политической системе, в общественном строе. Но это — внутреннее дело каждой нации.

У нас нет взаимных территориальных претензий. Между нашими народами много общего. В период между двумя войнами у нас были дружественные отношения. Во время войны они еще более окрепли. В СССР издаются Золя, Флобер, Мопассан, Сент-Экзюпери, Элюар и Арагон. Подумайте только, в самый разгар войны в СССР была издана в сотнях тысяч экземпляров «Песнь о Роланде»! Оглянемся в прошлое: революция 1789 года и Парижская коммуна нашли самый горячий отклик у прогрессивных людей России, и сейчас есть советские заводы имени Парижской коммуны, имени Луизы Мишель.

С другой стороны, французское рабочее движение и такие прогрессивные деятели, как Анатоль Франс, Ромен Роллан, Анри Барбюс, искренне приветствовали Октябрьскую социалистическую революцию.

С 1945 года мы работаем рядом с советскими женщинами в рамках Международной демократической федерации женщин. Двадцать один год общего труда во имя мира, для наших детей. Это прочные узы, и мы заинтересованы в том, чтобы сделать их еще более прочными.

Магрифа Закиевна Мавлютова у себя в лаборатории.

Холодный ветер зло набрасывался на вековые деревья, охалками срывал еще зеленые листья и гнал по тротуарам, засыпал ими трамвайные пути, с шелестом швырял под ноги редких прохожих. Казалось, он мстил за слишком жаркое лето, за надежды людей, что и осень будет такая же теплая. Улицы опустели, хотя обычно в этот ранний вечерний час уфимцы заполняют бульвары и скверы, любуются закатом с крутого берега Белой.

А меня ненастье радовало: в такую-то погоду наверняка застану дома Магрифу Закиевну Мавлютову.

— Мамы нет,— развела руками ее дочь Ирина.— И не знаю, вернется ли на этой неделе. Даже толком сказать не могу, где она: мама у нас, что птица перелетная,— нынче здесь, а завтра за сотню километров... Давайте по телефону поищем.

Скоро в квартире раздались резкие звонки междугородной: телефонистка соединила нас с трестом «Аксаков-нефть».

— Алло! Скажите, пожалуйста, Магрифа Закиевна у вас? — Мавлютова? Была. Больше недели была, позавчера уехала. Куда? Будто на Белебей. А может, и в Октябрьский.

Через полчаса разговор с нефтяниками Белебея, затем Октябрьского. Кажется, повезло.

— Целый день была на промыслах,— отвечают из Октябрьского.— Вместе с ней в город вернулись. А сейчас...— В телефонную трубку слышно, как там, за двести километров, выясняют. Потом сообщают:— Опоздали, уехала Магрифа Закиевна. Ищите завтра где-нибудь в другом месте.

— У нас, у нефтяников, как и у геологов, чуть ли не вся жизнь в дороге,— поясняет Ирина.— А мама — нефтяник до мозга костей. Она и меня родила чуть ли не в пути: партбилет получила, а дойти из райкома домой не смогла. Так что я живой мамин партстаж: в один день с ее билетом родилась.

«У нас, у нефтяников...» Ирина говорит это вскользь, ей кажется совершенно обычным, что у нее и у матери — общая профессия, родство не только кровное.

— Правда, для сравнений нет особых оснований. Во-первых, я занимаюсь совершенно другими проблемами — изучаю тепловое

воздействие на глубинные пласты. А во-вторых, я на мать никак не похожа. Старшее поколение Мавлютовых исключительное, а у нас, третьего звена этой цепи, жизнь самая обыкновенная...

Действительно, Ирина — инженер, каких сейчас в Башкирии тысячи. Даже то, что она неплохо играет на пианино и может толково объяснить разницу между творчеством Андрея Вознесенского и футуризмом, вряд ли выделяет ее из сверстниц, работающих в Уфимском нефтяном научно-исследовательском институте. Однако это в сравнении со сверстницами. С теми, для которых революция, все довоенные наши годы — страницы далекой истории. И для Ирины тоже. Таков уж закон времени. Я же думаю о ее матери.

В институте, где работает Ирина, все связано с именем этой первой башкирской женщины-нефтяника. Магрифа Закиевна по праву считается создателем этого научного учреждения. Она была его первым директором, она же организовала лабораторию обезвоживания и обессоливания нефти, которой сейчас руководит.

В лабораторию мы с Ириной пришли в разгар рабочего дня. Она познакомила меня с коллегами Магрифы Закиевны и убеждала: дела.

Магрифа Закиевна еще не вернулась из поездки. Однако, как это бывает, когда в доме хорошая хозяйка, во всем чувствовалась ее рука. В дверь ее кабинета то и дело стучались люди: не приехала ли? Одному срочно требовалась консультация — диссертацию скоро защищать. Другой пришел посоветоваться, как лучше семинар провести. Пожилая, с болезненным лицом женщина подошла к кабинету с букетом цветов и очень скромно сказала, что не застала Магрифу Закиевну: так хотелось поблагодарить за помощь в получении квартиры...

— На все ее хватает,— говорит инженер Руфа Наумовна Липович, с которой я осматриваю лабораторию.— Что бы ни случилось — все к Магрифе Закиевне. Она у нас ведь и секретарь партийного бюро...

Здесь же, в лаборатории, меня познакомили еще с одной представительницей семьи Мавлютовых — племянницей Магрифы Закиевны, молодым инженером-химиком Лорой Мамбетовой.

Маленькая, в наспех запахнутом пола за полу синем халатике, Лора никак не походила на серьезного инженера: так, студентка-первокурсница, забежавшая попрактиковаться сюда на часок-другой.

— Я еще и сама не привыкла, что у меня в сумочке диплом, а не зачетная книжка,— смеется девушка,— всего несколько месяцев назад Башкирский университет окончила...

Лора «парилась» нефть: опускала в горячую воду то одну, то другую колбу, разглядывала под микроскопом, как ведут себя различные кристаллы в процессе этой парки, и ежеминутно поглядывала на часы.

Тем временем Липович объясняла мне цель эксперимента:

— Греем мы нефть, бьем ее электричеством, разлагаем на составные. Чтобы найти способ быстро и хорошо очищать нефть от примесей...— Она поглядела, как четко работает Лора, удовлетворенно кивнула: — Почерк-то мавлютовский: ведет себя в поиске, как Магрифа Закиевна. Не отступит, пока не добьется...

Казалось бы, пробурили скважину, хлынула из нее нефть — и гони ее на заводы, вырабатывая газойль, изопропилбензол и прочие мудреные вещи, необходимые нашей промышленности и транспорту. Но так думают только люди несведущие. Специалисты же знают, что нефть из скважины — это еще далеко не нефть. В ней и воды может быть больше половины, и солей разных много, и еще бог ведает каких примесей. Вот и нужно эту самую нефть сделать чистой. А в Башкирии нефть сернистая, хлопот с ней предостаточно.

Магрифа Закиевна разработала и предложила для промышленного применения установку, очищающую нефть от вредных примесей.

Почти на всех нефтепромыслах Башкирии действуют установки, которые очищают нефть от воды и солей на месте. А десять лет назад гнали ее из скважины на заводы. Нефть разьедала трубы, ее труднее и дороже было перекачивать. В зимнюю стужу и в летнюю жару изучала Магрифа Закиевна свойства нефти, экспериментировала. И в конце концов разработала технологическую схему обессоливания нефти непосредственно на промыслах. Специалисты лестно отзываются об этой схеме. Магрифа

Закиевна за свою разработку получила Большую серебряную медаль ВДНХ.

Обо всем этом и зашла у нас с Магрифой Закиевной речь, когда мы, наконец, встретились.

Она сидела на диване с двумя внучатами на коленях: соскучилась, пока по башкирским дорогам моталась. Десятимесячный Тагир и вполне самостоятельный полуторгодовой Валерка хватали ее за волосы, висли на плечах, отталкивая друг друга, пытались добраться до сверкающих очков. И столько было трогательного в возне Магрифы Закиевны с малышами, что казалось, вся жизнь ее заполнена лишь семейными заботами. А рассказывала она о делах, которые заставляют ее колесить от промысла к промыслу.

— Как же не ездить? Установки нашей лаборатории там работают, где нефть добывается. Проверить их надо, людей научить управлять ими. Иной раз инженеры-промысловики и рады бы сделать все как следует, да дело новое, незнакомое. А ведь комплексная подготовка нефти к транспортировке и переработке — это целая отрасль промысловой техники...

Магрифа Закиевна о чем-то задумалась, потом, вздохнув, продолжала:

— Оглядываюсь назад, и все вроде легким кажется. А в жизни совсем не так гладко получалось...

Теперь на каждом углу школа, одних институтов в Уфе четыре да плюс университет, да техникумов сколько, училищ разных и библиотек. Учись на здоровье... А мама нас когда-то в медресе отдала. Нет, не потому, что привержена была к мусульманским канонам. Мама у нас — человек замечательный. Просто неграмотная была, не понимала, чем отличается медресе от нормальной школы.

Старшую в роде Мавлютовых — девяностолетнюю Хамдию Тагировну — я уже знаю. Мы познакомились еще до возвращения из командировки Магрифы Закиевны. Хамдия Тагировна сама рассказала мне о своей трудной судьбе. Ее муж — Заки Габидуллович Мавлютов — вернулся после Октябрьской революции в свою родную деревню большевиком. Собрал вокруг себя бедняков и стал проводить в жизнь первые декреты Советской власти. Местные кулаки шипели от злости, однако расправиться с Заки Габидулловичем в ту пору не смели: он был комиссаром штаба боевой дружины и первым председателем волостного исполкома. Но летом восемнадцатого года, когда белогвардейцы захватили Уфу, кулаки ворвались в дом Мавлютовых. Зверски избили беременную Хамдию Тагировну, расшвыряли по углам маленьких детей Магрифу и Мархабу, арестовали четырнадцатилетнего Зайнуллу. А самого Заки Габидулловича порубили топорами...

— Ой, горе было, ой, плохо было! — Хамдия Тагировна рассказывала быстро, словно торопила ее не проходящая с годами боль. А то вдруг умолкала, неподвижная, положив руки на колени, и смотрела куда-то вдаль. Должно быть, в сторону родной деревни Нижние Лемезы, где той страшной ночью тайком сгорела мужа. И снова горестный, быстрый рассказ:

— Голод был, ничего у нас не было: чай не был, хлеб не был, совсем ничего не был...

Младший сын Спартак родился уже после гибели мужа. Три рта было, прибавился четвертый.

— О себе не думал, за детей беспокоился: их надо спасать, их от смерти уберечь. Не только своих — много детей было, всем нужно есть, нужно пить. Начали мы, женщины, колца собирать, серьги, вещи разные: деньги на ясли копить, ясли в деревне открывать...

Слушал я Хамдию Тагировну и думал: сколько же стойкости было в этой неграмотной женщине, каким магнитом была для

нее правда, которую впервые узнала она от мужа, если не сложило ее страшное горе!

Ей угрожали гневом аллаха, устрашали ее законами корана. А она, не понимавшая толком, что такое социализм, звала подруг идти против мусульманских заветов, против кулаков, организовывала детские ясли, добивалась, чтобы появились в больнице первые койки для рожениц. И уже в то время мечтала вырастить своих ребят образованными...

— Досталось ей с нами, — продолжает Магрифа Закиевна. — Зато теперь радуется: выполнила завет мужа. Старший мой брат Зайнулла — тот самый, которого в восемнадцатом арестовывали, — юрист. Сестра Мархаба — она в детском доме росла и училась — зоотехником стала. Второй брат, Спартак, — журналист, воевал в Великую Отечественную. Ну, а я...

Семилетку Магрифа окончила поздно, чуть ли не в восемнадцать лет. Потом курсы по подготовке в институт и учеба в Московском химико-технологическом... Диплом получила с отличием. Тогда в Уфе строили крупнейший по тем временам нефтеперерабатывающий завод. Магрифе — она попросила направить ее на родину — поручили организовать на заводе газовую лабораторию.

...Еще до войны Магрифа Закиевна и ее коллеги мечтали создать в Уфе свой научный центр, оборудовать новейшими приборами, кадры для него подготовить. Но Великая Отечественная заставила на время отложить эти планы, повернула все к одной цели — разгромить врага. Именно тогда, в грозном сорок втором, Магрифа Закиевна вместе со своими коллегами внедрила на Уфимском нефтеперерабатывающем новый метод отделения эмульсии от нефти. Их дэмульгатор позволил дать тонны бензина для авиации и газойля для танков, дизельное топливо кораблям. Первый успех, первая правительственная награда.

Поисками нового, более эффективного дэмульгатора Магрифа Закиевна занимается и по сей день.

Двумя орденами Трудового Красного Знамени, тремя медалями и несколькими почетными грамотами Президиума Верховного Совета республики отмечен ее путь в науке.

Четверть века подряд народ бессленно выбирал ее своим депутатом в Верховный Совет Российской Федерации и Башкирии, в городской Совет.

Когда-то Глеб Успенский, совершив путешествие от Оренбурга до Уфы, ужаснулся, увидев, как грабят власть имущие башкирский народ.

«Пропадет башкир, пропадет! Беспременно пропадет этот самый башкир!» — писал он с гневом, с болью душевной. Не писал — кричал, стремясь защитить от хищников. От людей, подобно горьковскому Климу Самгину, зарились на богатство башкирской земли и с барским пренебрежением отзывались о ее народе.

«— А жители там — башкирье, дикари, народ негодный, нерабочий, сорье на земле, нищими по золоту ходят...» — брезгливо цедил Клим Самгин.

Но нет, не суждено было сбыться опасениям Глеба Успенского, напрасно брюзжали климы самгины. Вот они, три поколения семьи Мавлютовых — маленькая частица башкирского народа: старая Хамдия Тагировна, ее дочери Магрифа и Мархаба, сыновья Зайнулла и Спартак. Вот Ирина, Лора, Радик, все одиннадцать ее внуков.

Давно уже нет тех, кто занес топор над их отцом и дедом — Заки Габидулловичем Мавлютовым. А они, дети и внуки комиссара, не нищими, а хозяевами ходят по родной земле...

Меньше суток пробыла дома Магрифа Закиевна, не успела и внуков приласкать, а уже опять собирается в дорогу: завтра в Куйбышеве, за сотни километров от уютной квартиры, открывается совещание. Привычно летят в большущий портфель немудреные вещицы, книги, блокноты. И вот уже стоит она в простеньком дорожном платье, в повязанном по-башкирски голловом платке.

— Поеду драться, — говорит Магрифа Закиевна. — Забудилась там некоторые мои коллеги в поисках более дешевого дэмульгатора, предлагают фенол добавлять. А в наших реках и так фенола хватает: скоро рыба вся подохнет... Да и выгоды от этих добавок никакой. Поеду воевать...

Счастливого пути, Магрифа! Хош бул! — как говорят башкиры.

Уфа — Москва.

Семья Мавлютовых (1924 г.). Внизу справа — Магрифа.

Вспоминается разговор, случайно услышанный в учительской.

— Возьмите, к примеру, Алексея Мелешко, — горничилась преподавательница литературы, — как он учится, как готовит уроки! Вчера спрашиваю его. Тема — Горький, «Старуха Изергиль». Заметьте, — знаю, что дома он не готовился, — позавчера допоздна репетировали свой КВН, а третьего дня на моем уроке выяснял отношения с Верой Хомутовой, меня не слушал: не до того было... Вызываю. И что же вы думаете? Поднимается этак, вы же его знаете, с лендой и закатывает лекцию о романтизме Горького. Откуда что берется! Получает пятерку и идет на место герой героем. А вы говорите, труд, старания, усидчивость и прочие добродетели. Способности! Вот что главное! Петя Садовский тоже получил пятерку, так он, я уверена,

ПОВОРОМ О НАШИХ ДЕТЯХ

ТРУД И СПОСОБНОСТИ

А. В. ПЕТРОВСКИЙ,
доктор педагогических наук

не разгибаясь, корпел над книжкой по крайней мере два вечера. Не те способности...

Противопоставление — способности и труд — возникает довольно часто. Имеет хождение неписаная формула: способному человеку не приходится трудиться. А так ли уж велики основания для подобного противопоставления?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо знать, что такое способности.

Научное определение способностей таково: психические особенности человека, от которых зависит приобретение знаний и умений, но которые сами к этим знаниям и умениям не сводятся. Психология подчеркивает, что способности и знания, способности и умения образуют единство, но не тождество.

Способность — это возможность, а необходимый уровень мастерства в том или ином деле — это действительность. Выявившиеся у ребенка музыкальные способности ни в коей мере не являются гарантией, что ребенок будет музыкантом. Для того, чтобы это произошло, необходимо специальное обучение, огромная выдержка и многие другие условия, без которых способности заглухнут, так и не развившись. Нельзя говорить о способностях человека к рисунку, если его еще не пытались обучить рисовать. Способности проявляются в том, насколько быстро и легко усваивает ученик приемы работы, цветовые отношения, учится видеть прекрасное в окружающем мире. Проявляясь в конкретной деятельности, способности в ней же и развиваются. Систематические занятия электротехникой могут явиться условием развития технических способностей юноши — он будет быстрее и лучше других разбираться в новых чертежах, схемах, сложных проводках и приборах. Упорные тренировки могут развить сравнительно слабые спортивные способности. Известно немало случаев, когда ребенок не встречал со стороны родителей, школы признания тех способностей, дальнейшее развитие которых принесло ему в конце концов заслуженную славу.

Из сказанного понятно, что противопоставление способностей труду весьма условно и лишено серьезных психологических оснований. Тот факт, что способности формируются в процессе

трудовой деятельности, опровергает сомнительное утверждение, что «способному человеку не приходится трудиться».

Изучая высокоодаренных детей, психологи пришли к выводу, что среди других качеств их личности на первый план выступает готовность к труду, перерастающая в неумную потребность трудиться. Вот и возникает вопрос: не отсутствие ли трудолюбия препятствует в основном развитию способностей у детей, которые окружающим да и им самим кажутся неспособными? Не следует ли трудоспособность рассматривать в общем ряду человеческих способностей и даже во главе всего ряда? Педагогический опыт подтверждает правильность этого предположения.

Позвольте, могут возразить нам, но вы сами вначале говорили о способных ребятах, которые учатся играючи. Никто не отрицает природных задатков, но без трудолюбия они сами по себе не разовьются. Ребенок, привыкший к мысли, что все ему дается легко, не знающий, что такое усидчивость, прилежание, рано или поздно вынужден будет столкнуться с делом, которое потребует от него большого и напряженного труда. Здесь-то и выявится, что ему не хватает главного — трудолюбия.

Трудоспособность не заменяет, конечно, других способностей, но соседствует с ними и обостряет их. Мне случилось наблюдать подростков, которые не были в школе отличниками, не оканчивали ее медалистами, и главным образом потому, что не умели на лету «схватывать». Они отставали от иных своих сверстников, которые тратили на уроки значительно меньше времени и все-таки отвечали много лучше. Но именно эти ребята, получая специальность, начали заметно опережать своих «легкокрылых» сотоварищей. И понятно: здесь потребовалась максимальная собранность и полная отдача, трудолюбиво накопленные знания оборачивались эрудицией. Приемы работы, на усвоение которых в свое время пришлось потратить немало усилий, становились привычкой работающего человека доводить каждое начатое дело до конца. Одним словом, конечные результаты сравнения успехов способного, но не трудолюбивого человека с успехами человека не блестящих способностей, но трудолюбивого и настойчивого далеко не всегда будут говорить в пользу первого.

А так ли уж достоверны утверждения иных родителей, что их дети не обладают способностями к тому или иному виду учебной работы? Больше всего родители да и учителя сетуют на неспособность детей к математике. Советский психолог В. А. Крутецкий, изучая математические способности детей, пришел к заключению, что каждый школьник способен при правильном обучении приобрести знания в объеме программы средней школы (имеются в виду, конечно, нормальные и здоровые дети). Психолог особо предупреждает родителей и учителей: не делайте поспешного вывода о неспособности детей к математике на том основании, что они плохо успевают по этому предмету: чаще всего неуспех объясняется не отсутствием способностей, а пробелами в знаниях, запущенностью вследствие пропуска занятий, ленью и т. д. Иногда ученик нуждается в специальной помощи, так как не может освоить переходы к более высокому уровню математического мышления (при переходе от арифметики к алгебре и геометрии). Так, одна школьница никак не могла понять смысл доказательства: «Если три стороны одного треугольника соответственно равны трем сторонам другого треугольника, то треугольники равны». «К чему это доказывать, — сердилась она, — это же и так очевидно!» Учителю пришлось приложить немало усилий, чтобы девочка поняла логику доказательства теоремы.

Говоря о развитии способностей, надо прежде всего сказать о борьбе с ленью. Лень — это коварнейшее свойство человека, идет ли речь о лени мысли или лени в физическом труде.

Бороться с ленью можно только одним способом — постепенно втягивая ребенка в трудовую деятельность, прививая ему привычку к труду. Не надо чересчур полагаться на разговоры и назидания. Гораздо важнее постоянно проверять, как выполняются учебные задания, режим домашних занятий, стараться создать рабочую обстановку, оборудовать место для занятий ребенка и т. д. Пусть, формируя привычку к трудовым усилиям, ребенок вначале опирается на твердую волю и требовательность взрослого человека. Пройдет время — и опорой для него станет его собственная воля и убежденность.

Ну, а как же быть с тем несомненным для нас фактом, что люди по своим способностям неодинаковы? Да, люди существенно различаются и по природным задаткам, которые обусловлены анатомическими и функциональными особенностями строения центральной нервной системы, и по тому, какие способности сложились на основе этих природных задатков. Вместе с тем психология утверждает, что любые «средние» способности при условии правильного выбора жизненного пути и умении трудиться позволят каждому молодому человеку стать хорошим специалистом, хозяином своей судьбы и своего будущего.

Вот идет теплоход

Ярослав ПИШУМОВ

Рисунки В. ИВАНОВА.

ТЕПЛОХОД

Вы видали этот дом?
Вы хоть раз бывали в нем?
Белый-белый
Трехэтажный
Дом дает гудок протяжный,
Дом, в котором мы живем,
Дом, в котором мы плывем.

КАЮТА

Мы плывем.
Плывем по Волге.
Вместе с мамой вдвоем.
Хорошо на верхней полке
Спать под самым потолком!
Прямо в круглое окошко
Помашу рукой Луне —
Серебристая дорожка
От Луны бежит ко мне.
И не спится почему-то.
Мы плывем, плывем, плывем...
Наша комната — каюта:
Волны плещут под окном!

РЕКА

Наша дорога — большая река.
С обеих сторон у нее берега.
Что делать?
Устал головою вертеть:
В которую сторону
Лучше смотреть?

Налево —
Палатки у самой реки.
В воде по колено стоят рыбаки.
Направо —
Подъемные краны большие,
Они без труда поднимают
Машины.
И ставят на баржи одну за другой.

То влево, то вправо
Верчу головой.

КТО ПЛЫВЕТ ПО РЕКЕ

Пароходы, теплоходы
Проплывают полным ходом.
У-у! — здороваются каждый.
А буксиры тянут баржи.
А на баржах вниз по Волге
Легковые едут «Волги»,
Самосвалы, трактора...
А навстречу им —
Гора!
Сладкая, вкусная,
Плывет гора арбузная!

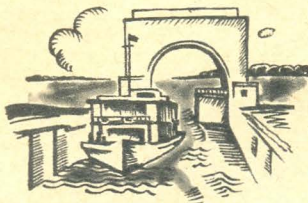
БАКЕН

Над рекой ползет туман,
Озабочен капитан:
— Плыть в тумане трудно здесь,
Как бы нам на мель не сесть!
Теплоход замедлил ход,
Мы глядим вдвоем вперед.
Видим, словно уголек,
Нам мигает огонек.
Капитан воскликнул вдруг:
— Вот он, бакен, старый друг!
Здесь всегда — в туман и ночью —
Красный глаз его горит.
«В этом месте мелко очень,—
Бакен строго говорит,—
Эй, буксиры! Эй, суда!
Не сворачивать сюда!»

ШЛЮЗ

Что случилось?
Что случилось?
Вдруг вода остановилась!
Стали выше берега,
Опускается река.
С нею вместе теплоход
Не спеша ко дну идет.
Может, что-нибудь сломалось?
Я не хнычу, я не трус!
Только мама рассмеялась:
— Не утонем. Это шлюз!

ГИДРОСТАНЦИЯ

Я вижу: в плотину
Стучится вода.
Вода на работу
Приходит сюда.
Вращая турбины,
Гремит водопад,—
От этого грохота
Уши болят.
А мама сказала:
— Ты знаешь, сынок,
Отсюда идет
Электрический ток!
Вот это загадка!
Чего только нет!
И как из воды
Получается свет!?

ВСТРЕЧА

Я взглянул и вскрикнул:
— Ой!
Паровоз над головой!
Это чудо из чудес —
Надо мной летит экспресс!
Я совсем забыл о том,
Что плывем мы под мостом.

МЫ ПРИЕХАЛИ

Вот уже и наша пристань.
Удивился я: — Так быстро?!
Жаль, что кончился поход.
До свиданья, теплоход!
Белый-белый трехэтажный,
Он дает гудок протяжный,
Он прощается со мной.
Мы приехали домой.

Алтайские сказки

«Сказки сами даются в руки тому, кто их любит», — написал когда-то по-ойротски на куске коры Павел Васильевич Кучияк. Вместе с Анной Гарф еще в 1936 году записал он — первый алтайский писатель и поэт — устные предания своего народа, дотеле неизвестные в литературе. И только теперь, спустя много лет, писательница А. Л. Гарф с любовью перевела для нас эти предания. В них хоть и в сказочной форме, но удивительно точно отразились и суровая прекрасная природа Алтайского края и особенности жизни алтайцев.

Книжка знакомит читателя с совершенно новыми сказочными героями. С очаро-

вательным малышом Рысту, ростом с козленка, который никогда не плачет. «Дунет мальчик в сухой стебель — стебелек поет, тронет мальчик пальцем паутинку — она звенит». С фантастическим зверем Мааны, будто бы родоначальником всех Львов, тигров, барсов, рысей, росомх, барсуков и кошек. С прелестной девочкой Торко-Чачак, что в переводе означает «шелковая кисточка». Девочкой, у которой «глаза — ягоды черемухи, брови — две радуги», а в носиках — заморские раковины. Торко-Чачак ездит на «буланом коне с белой звездочкой» и умеет постоять за себя.

Все сказки кончаются счастливо. И хотя на обложке книжки изображен страшный «семиголовый темно-желтый Дельбеген-людоед на синем быке» (персонаж несколь-

ких сказок), бояться его не следует: у алтайцев много богатырей, готовых встать на защиту добра и справедливости. Кони под этими богатырями топают, «будто сто громов гремят», на бегу холмы отбрасывают, «высоким горам на грудь наступая». А как бьются они с врагами: «Месяц в битве протек, как один день. Год промчался, как один месяц... По щиколотку входили ноги в землю, когда на твердом камне дрались».

Сказки написаны красочным, звучным, поэтическим языком. Это сказки-песни, сказки-легенды. Надо думать, что их герои полюбятся вашим детям так же, как Иванушка-дурачок, Марья-искусница и другие герои русских, украинских, латышских, армянских сказок...

М. НАЗАРОВА

«Алтайские сказки». Издательство «Детская литература», Москва, 1966.

Над твоей головой спокойное небо. Над твоей Родиной мирная тишина. Но разве можно забыть, что каждый клочок нашей земли полит кровью отцов! Вслушайся в тишину. Пройди теми же тропами, которыми шли отцы, и ты услышишь, что земля не молчит. Она поведает тебе о безымянных еще донные подвигах и безымянных героях. И если ты умеешь быть благодарным, ты сделаешь все, чтобы узнать их имена.

По дорогам революционной, боевой и трудовой славы идут отряды молодых искателей: школьников, студентов, рабочих. В сентябре победители Всесоюзного похода собрались в Москве на свой слет.

Целый город из палаток вырос на Центральном аэродроме. Флаги, эмблемы, яркие костюмы, молодые лица... Нет, не только молодые. Вот прошел пожилой генерал. Стоит, окруженный ребятами, седой бородатый человек с Золотой Звездой на груди. Это старшие товарищи искателей. Они вели молодых своими тропами...

Каждая делегация отчитывалась на слете: что узнали, что сделали.

Следопыты и искатели одной только Белоруссии прошли тысячи километров по местам боев, создали больше четырех тысяч музеев и двух тысяч уголков боевой славы, привели в порядок сотни могил героев, соорудили десятки памятников.

Каждый в палаточном городке мог посетить музей белорусских следопытов. Фотографии героев. Тех, кто стоял насмерть в Бресте, кто сражался в партизанских отрядах под Минском... Фотографии бесстрашных могилевских подпольщиков. Разные лица: серьезные, волевые, веселые. А вот совсем юное большеглазое девичье лицо, Таня Карпинская.

Она была твоей ровесницей, читательница «Подружки»...

Как четверть века назад стояли на дорогах войны отважные девушки-регулировщицы, встали на дорогах слета их младшие подружки.

Поход по местам боевой славы продолжается. Участники слета — в Петрищеве, у памятника Зое.

Сколько встреч и знакомств в палаточном городке искателей! Фото Г. ДУБИНСКОГО.

Ей тоже было девят- надцать

Ее уже нет. Нет больше двадцати лет. Осталось имя. Им назван переулок, тот, где стоит ее школа. Переулок сбегает вниз от одной из шумных могилевских улиц и, не успев вытянуться, внезапно обрывается. Так же внезапно, как оборвалась ее жизнь...

Портрет в школьном коридоре на стене. Какой была ты, Таня Карпинская? Так хочется понять, какой ты была...

Я держу в руках старые, пожелтевшие конверты. Четкий почтовый штамп: Могилев. 10.4.41. Прибывав поздно вечером домой, ты писала сестре в Москву:

«Тамусенька!

У нас уже настоящая весна, позавчера разлился Днепр, и пошли пароходы. Я только что была на разливе. Ты себе представить не можешь, как там красиво! Каждый огонек отражается в воде, каждый кустик. И все небо усыпано звездами...»

Ты, наверное, очень любила Днепр. Ты видела его каждый день, когда бежала из школы домой и останавливалась на краю головокружильной кручи. Открывались отсюда синие-синие дали, прохладные луга. И вся излучина реки, спокойной от сознания своей вечности. По круче террасами спускались сады. А еще ниже, у самого подножия, была твоя улица, твой дом.

...Я стою на самой круче и вижу, как по узкой крутой тропинке сломя голову мчит вниз девочка в синей майке и брюках. Широко расставлены руки. Сорвется сейчас! Бедовая, отчаянная девочка!

Ты тоже была отчаянной и бедовой.

Подружка

«Каждую субботу катаюсь на лыжах с гор. На лыжном кроссе заняла первое место по школе среди девушек. Занимаюсь в военно-стрелковом кружке. Там все мальчишки, девочка одна я. Мальчишки относятся ко мне с уважением, а я на них плевать хотела...», — рассказывала ты сестре.

Тебя многое увлекало. А маме это приносило немало огорчений: «Танька разбрасывается». Она ведь мечтала, чтобы ее младшая дочка, так же, как старшая и как она сама, стала педагогом. Но ты...

«Дорогая Тамусенька!

Позавчера получила твоё письмо и программу приемных испытаний. Только, по правде сказать, я сама не знаю, куда мне податься. Есть очень хорошие институты, как горный, геологический, гидрометеорологический. Нравится мне также кинематографический. Такой заманчивый!»

Разве могла ты предполагать тогда, что тебе так и не удастся выбрать любимое в жизни дело!

Висит в городском музее мамина фотография, а рядом — твоя. Лежат рядом две орденские книжки. Твоя мама Ольга Николаевна Карпинская награждена орденом Ленина. Ты — орденом Отечественной войны I степени. Тебе не пришлось носить его на груди. В торжественных строчках указа о награждении есть горькое слово — посмертно.

Знала ли ты, на что идешь, когда в городе, оккупированном гитлеровцами, приняла на себя нелегкие обязанности подпольщицы? Наверное, знала. В тот день, когда в ваш дом пришел мамин товарищ, руководитель подпольной организации Казимир Юлианович Мэттэ, ты сказала ему: «Да!»

Ты очень любила жизнь и не могла смириться с тем, что все самое дорогое для тебя на родной земле топчет враг.

* * *

Я пытаюсь представить себе одну из твоих тревожных ночей. Ты сидишь за проржавевшей от сырости пишущей машинкой несколько часов подряд, не вставая. Мама рядом. Диктует приглушенным, срывающимся голосом:

«...Только тот является настоящим патриотом своей страны, кто желает победы наступающей Красной Армии, кто помогает ей в тылу врага, кто содействует развитию партизанского движения. На борьбу, товарищи! Смерть немецким оккупантам!»

Сколько таких листовок унесли из вашего домика надежные руки! Сюда, на Большую Гражданскую, 66, приходил Мэттэ. Оставлял текст новой, только что написанной им листовки, разведывательные данные, собранные подпольными группами.

Приходила его жена, Софья Фелициановна. Она всегда была с Генкой, своим маленьким сыном. И однажды, развернув одеяльце, пеленки, извлекла из них и сунула Ольге Николаевне тяжелые свертки. Магнитные мины.

Таня Карпинская.

— Соня!..

Софья Фелициановна опустила на стул. Дрогнули губы.

— Никогда не думала, что смогу вот так...

Генка стал постоянным «миноносцем».

Часто стучалась в дверь тетя Ксения, мать лесничего Михаила Новикова, или его жена Мария, Муся. Они уносили мины, медикаменты и данные разведки, которые оставлял Мэттэ. А ночью домик лесничего связывался со штабом фронта: Новиковы укрывали у себя радистку десантной группы Марию Зотову — «Веру».

Твои друзья, оставшиеся в живых, никогда не забудут этих дней.

«...Мне кажется, что я в Могилеве и смотрю на всех вас, — пишет из Ирбита Му-

ся Новикова своему товарищу по борьбе — Мэттэ. — На маленький домик с желтыми ставнями, на тот условный знак на занавеске в окне. Это был домик Ольги Николаевны, в котором мне пришлось побывать не один раз. Я вижу ее. Вижу Таню, детское личико, но серьезное.

Ночью я прислушивалась к каждому шороху ветра, боясь за жизнь своей семьи и Веры, которая была в нашем доме, как свой родной человек. Пока они с Мишей передавали сведения в штаб фронта, я искусывала за это время губы в кровь...»

«Вижу Таню, детское личико, но серьезное...»

Как же ты прошла через все? Работала в ненавистной управе, а потом на фашистской радиостанции диктором... Ты не могла смотреть людям в глаза. В каждом взгляде ловила презрение. Тебе было очень горько, но ты ничего не могла объяснить им... Подпольному комитету нужны были сведения о готовящихся приказах, бланки документов, продовольственные карточки, которые можно было получить только там, в учреждениях оккупантов. Наша разведка запрашивала данные о работающих предприятиях. Каждый день риск: достать, разузнуть, выкрасть.

Фашистов ждали все новые «сюрпризы». Взлетела на воздух унтер-офицерская школа, рвались на железной дороге составы с горючим, боеприпасами. Действовали мины, которые уходили по цепочке связных из вашего домика.

Полиция и гестапо упорно рыскали по городу, охотились за подпольщиками. Начались повальные аресты...

Мне рассказывала твоя двоюродная сестра Женя Слезкина, бывшая связная подпольного райкома партии:

— В тот мартовский день я очень спешила в город. Всю дорогу думала о тете Оле. Я могла ей передать через Казимира Юлиановича весточку от Тамары, от старшей дочери, из Москвы. Записку привезли товарищи, летавшие на Большую землю. Всего несколько слов на клочке бумаги. До сих пор их помню:

«Милая мамочка! Крепись, родная! Надо во что бы то ни стало остаться в живых. Мы обязательно, обязательно встретимся. Целую тебя. У меня родилась дочка. Я назвала ее Таней».

Я знала, какой поддержкой будут для тети Оли эти несколько слов. Тетя Оля рано потеряла мужа. Он трагически погиб, когда Таня только-только появилась на свет. И вся жизнь была для нее в дочках...

В деревне Журавцы, которая лежала на пути к городу, я встретила партизан. Они сообщили: «Карпинские арестованы».

Это случилось восьмого марта...

Можно, можно собрать все силы и мол-

чать на допросах, когда тебя пытаются. Но если на твоих глазах бьют маму? Как вынести это?..

На краю кручи стоят больничные корпуса. Я не могу спокойно проходить мимо них. Я ищу глазами окно, из которого ты в последний раз смотрела на Днепр...

Сюда очень больную привезли тебя из тюрьмы. Вырваться из тюрьмы! Это же счастье! Можно выйти из корпуса и увидеть небо. За оградой внизу твой дом, дальше луга. Еще дальше лес... Прошлой весной вы с Женей ходили туда за фиалками.

Врачи-патриоты, работавшие здесь, брались устроить тебе побег к партизанам. А ты наотрез отказалась.

— Так хочется жить,— говорила ты молодой медсестре Лизе Евдокименко, тоже подпольщице,— так хочется жить, Лизочка! Но я не могу бежать, не могу оставить маму. Сейчас улики против нас нет. Обвиняют в связях с партизанами. Мы все отрицаем... Может, и обойдется... А если я убегу, ее замучают...

Ты радовалась, наверное, когда в небе над головой гудели наши, советские самолеты. Они бомбили расположение немецких войск по данным, которые получил штаб от подпольщиков города. И должно же было случиться, что одна из бомб попала в ваш дом! Обнаружился тайник. Соседка донесла о машинке.

Тебя видели в последний раз в тюремном коридоре. Избитую, с синими вспухшими руками. Тебя пытали на глазах у мамы. Подвешивали за руки. Загоняли под ногти иголки... Ты молчала. Молчала мама.

Никто не знает, каким был ваш самый последний час. Но все знают: вы прошли через нечеловеческие муки и пытки, как герои. Не выдав товарищей.

* * *

Звонок звенит. Пустеет двор. Хлопают крышки парт — и все затихает. В классе, рядом с актовым залом, в Танином классе, тридцать девочек и мальчиков пишут сочинение: «Мой любимый герой»... Выстраиваются в тетрадах строчки, ровные и корявые: «Хочу быть такой, как Таня Карпинская»...

Пусть они будут такими, все девочки в этом классе, все девочки в Могилеве, все девочки на земле. Пусть они будут веселыми, бедовыми. Пусть они будут, если требуется, такими же неспасаемыми. Только пусть ни у кого из них не оборвется жизнь в девятнадцать!

В Могилеве выросли новые дома, улицы и сады. Идет жизнь. Так же, как двадцать с лишним лет назад, как до войны, спешит по утрам к своим ученикам учитель литературы Казимир Юлианович Мэттэ. Вырос его сын Генка, тот самый Генка, маленький «миноносец», который в пять месяцев стал подпольщиком. Теперь у него уже свои дети. Идет жизнь... И остались в ней Ольга Николаевна и Таня Карпинские, мама и дочка. Остались непроходящей болью в сердцах всех, кто их знал, остались самой светлой памятью.

Т. АЛЕКСАНДРОВА

КАКАЯ ТЫ, СОВРЕМЕННАЯ ДЕВУШКА?

Анкета «Подружки»

Современная девушка... Почему одни произносят эти два слова с восторгом и уважением, как похвалу, другие же, напротив, с иронией, осуждением? У каждого молодого поколения есть характерные черты, отличающие его от предшественников, что-то свое, соответствующее времени, современное. Есть в этом своем чисто внешнее — преходящий налет, и есть внутреннее, глубинное, ставящее молодого человека на уровень времени, в котором он живет.

Какая ты, современная девушка, живущая в шестидесятые годы двадцатого века?

Всех, кому сегодня 16, 17, 18, мы просим ответить на анкету «Подружки».

Ответы присылайте в адрес редакции.

Чем ты занимаешься? Учишься? Работает? Кем? Где?

Есть ли у тебя уже профессия, которую ты любишь?

Как ты думаешь: необходимо ли тебе продолжать образование? Хочешь ли ты, чтоб оно было связано с твоей профессией?

Задумываешься ли ты о том, какую пользу приносишь (можешь принести) людям, нашему обществу?

Участвуешь ли в общественной жизни, в делах своей комсомольской организации? Если нет, почему?

Можешь ли ты назвать человека, которого очень уважаешь, всегда прислушиваешься к его мнению? Кто он (возраст, работа, общественное положение)?

Каких минут у тебя больше — грустных, веселых?

Есть ли парень, которого ты любишь? Что тебя с ним связывает? Строите ли вы вместе планы на будущее?

Нравится ли тебе твой город (село)? Каким бы ты хотела его видеть?

Есть ли у тебя друзья? Что больше всего ценишь в них?

Сколько времени ежедневно уделяешь чтению? Какие газеты, журналы читаешь регулярно? Какие темы в них больше всего интересуют?

Какая из книг, прочитанных в этом году, тебе больше всего понравилась и почему?

Твой любимый композитор, любимые песни?

Твои увлечения, занятия в свободное время? Какой из видов спорта ты предпочитаешь?

Часто ли ходишь на танцы? Какие танцы любишь?

Как ты относишься к моде?

Что тебе не нравится в самой себе? Пытаешься ли это преодолеть?

И, наконец, сколько тебе лет? В каком городе (селе) ты живешь? Имя и фамилию называть не обязательно.

Подружка

Л. КАБАЧЕК. БЫЛЫЕ НАПЕВЫ.

К. ПЕТРОВ-ВОДКИН. Петроград, 1918 год.

ПЕТРОГРАДСКАЯ МАДОННА

Недавно в Москве, в Третьяковской галерее, открыта выставка работ Козьмы Сергеевича Петрова-Водкина, художника большого и оригинального таланта. Родился он в 1878 году в городе Хвалынске, в бедной семье сапожника. Человек необыкновенного трудолюбия и энергии, Петров-Водкин сравнительно быстро сумел завоевать популярность и выдвигаться в число крупнейших русских художников. Впрочем, творческий путь его не был гладким. Художника то и дело постигали неудачи и разочарования. Лишь после революции наступил период подлинного расцвета его таланта.

Вот когда по-настоящему проявились и философский склад ума художника, и его любовь к народу, и наблюдательность, и острое чувство времени!

Петров-Водкин работал много и вдохновенно. Именно в эти годы были созданы его лучшие полотна, посвященные революции, гражданской войне.

Первые уроки живописи получил когда-то Петров-Водкин у иконописцев. Традиции древнерусской живописи не могли

не сказаться на его дальнейшем творчестве. Он заимствует у иконописцев композицию, некоторые цветовые решения, монументальность.

В послереволюционный период Петров-Водкин написал множество картин, посвященных новому быту, советской семье, женщине-матери.

Одним из первых произведений на эту тему была картина «Петроград, 1918 год», за которой сразу закрепилось название «Петроградской мадонны». На фоне городского пейзажа изображена мать с ребенком. Обостренные черты лица, натруженные руки, скромная белая косынка, которой повязана голова женщины, свидетельствуют о том, что перед нами пролетарка. Прижимая к груди ручонку ребенка, она задумчиво смотрит вдаль. Изображая свою героиню на балконе второго этажа, художник хотел обратить внимание зрителей на ставшее в те годы массовым явление — переселение бедноты из подвалов и развалюх в благоустроенные дома.

С балкона видна часть городской улицы. Дома с выбитыми стеклами и обвалившейся штукатуркой — свидетельство недавних жестоких боев. На их стенах можно разглядеть первые декреты Советской власти. Тут и там группы что-то оживленно обсуждающих людей.

И в более поздних работах художник пытается создать обобщенный образ женщины-матери, образ возвышенный, идеальный и в то же время рожденный конкретными, жизненными впечатлениями: «Материнство», «Первые шаги», «Спящий ребенок».

Козьма Сергеевич Петров-Водкин написал много женских портретов. В каждом из них портретисту удалось выявить неповторимые, индивидуальные особенности характеров.

Созданные Петровым-Водкиным образы женщин занимают значительное место в истории русского искусства.

Л. ПАШКИНА,
научный сотрудник Государственной
Третьяковской галереи

1816-1887 ЭЖЕН ПОТЬЕ

ПОЧТА СССР 1965

4к

Почтовая марка, выпущенная к юбилею поэта.

ПЕВЕЦ РЕВОЛЮЦИИ

Сто пятьдесят лет назад, 4 октября 1816 года, в Париже родился поэт, которого В. И. Ленин назвал одним «из самых великих пропагандистов посредством песни».

При жизни он, однако, не снискал популярности, только после смерти одна из его песен была положена на музыку и зазвучала как революционный призыв. Эта песня — «Интернационал». А имя поэта, создавшего ее, — Эжен Потье.

За свою долгую, богатую событиями жизнь он пережил немало профессий: был классным надзирателем, приказчиком в магазине, кассиром и, наконец, разрывщиком тканей. Но чем бы ни приходилось заниматься Потье, он всегда оставался верен своему истинному призванию поэта-революционера.

Совсем еще юным, в 14 лет, Эжен стал свидетелем революции. Это было с июля 1830 года, когда парижане вторично свергли династию Бурбонов. «Слава Свободе!» — называлась первая песня поэта.

«Революция пробудила во мне и сердце и разум», — вспоминал Потье о февральских событиях 1848 года, когда другая революция смела «короля лавочников» Луи Филиппа. Но созданная тогда республика не облегчила участи рабочих, и они восстали. Июньское восстание 1848 года было утоплено в крови. Потье, присоединившийся к борцам, чудом уцелел от расправы. Цензура Второй империи зажала рот его музе — многие годы поэт не мог издать ни строки.

Наступил 1871 год. Потье становится членом Парижской коммуны. Имя его неоднократно упоминается в протоколах заседания первого в мире рабочего правительства.

Начались последние схватки. Потье был на баррикадах рядом с вождями коммунаров. В дни «кровавой недели» — с 22 по 28 мая, когда озверевшие версальцы жестоко расправлялись со всеми, кто был близок Коммуне, поэт вынужден был скрываться в одной из мансард Монмартра. Именно в эти трагические дни и был написан «Интернационал», с первой до последней строки проникнутый, несмотря на разгром революции, твердой уверенностью в ее грядущей победе.

«Коммуна подавлена... — писал В. И. Ленин, — а «Интернационал» разнес ее идеи по всему миру, и она жива теперь более, чем когда-нибудь».

Версальский суд заочно приговорил Потье к смертной казни, но ему удалось вместе с семьей нелегально перебраться через границу — сначала в Бельгию, затем в Англию и, наконец, в США. В течение девяти лет эмиграции он создал цикл стихотворений о Коммуне и три больших поэмы. Все три являются образцом высокой гражданственности.

Вот как заканчивалась одна из поэм:

Коммуна! Где же ты, сбивавшаяся смело
Убить чудовище? Где стан твоих бойцов?
Где знамя алое? Где пламенный твой зов?

Когда вновь примешься за начатое дело?
Рабочие! У вас план тот же! Он таков:
Всю землю передать рукам трудолюбивым,
Труд сделать радостным, свободным,
горделивым,
Гнать туеядцев прочь из сел и городов...

В 1880 году, после амнистии коммунаров, 64-летний поэт вернулся на родину.

Здоровье его подорвано. Но он продолжает писать, по-прежнему чутко откликаясь на все важнейшие события в жизни пролетариата.

6 ноября 1887 года Эжена Потье не стало. Около шести тысяч парижских рабочих провожали поэта в последний путь на то самое кладбище Пер-Лашез, где в 1871 году были расстреляны воспеты им коммунары. На гроб поэта возложили красный шарф с золотыми кистями — шарф члена Парижской коммуны. За несколько месяцев до смерти Потье вышли его «Революционные песни», изданные соратниками поэта по Коммуне. В этой книге впервые был напечатан «Интернационал».

Спустя год после смерти поэта лильский резчик по дереву и музыкант-самоучка Пьер Дегайтер положил «Интернационал» на музыку.

Впервые гимн был исполнен 23 июня 1888 года на празднике союза печатников. И вскоре «Интернационал» распространился по всей Франции: его пели на манифестациях и собраниях, пели и на первом конгрессе французских социалистических организаций в 1899 году. Именно тогда услышал его Аркадий Коц, русский революционер-эмигрант. Он перевел первую, вторую и последнюю строфы гимна на русский язык. Этот перевод был впервые напечатан в 1902 году в лондонском органе Российской социал-демократической партии «Жизнь».

«Интернационал» стал любимой песней русских рабочих и студентов, завоевав в России огромную популярность. И не мудрено: в преддверии революции невозможно было точнее и выразительнее передать чаяния русского пролетариата. По словам Д. Фурманова, «это был... путеводный гимн, самая дорогая, заветная песня». В июле 1906 года под звуки «заветной песни» был поднят красный флаг на восставшем крейсере «Память Азова».

«Интернационал» был одной из любимых песен В. И. Ленина. Когда 3 апреля 1917 года Владимир Ильич возвратился из эмиграции, вспоминает Е. Д. Стасова, и оказался в кругу товарищей, кто-то из них запел «Марсельезу», Ленин сказал: «Давайте лучше петь «Интернационал». Он чрезвычайно высоко ценил мобилизующую силу пролетарского гимна, часто использовал строки из него в речах и статьях.

«Интернационал» переведен на 90 с лишним языков, в том числе на 55 языков братских народов Советского Союза. Его пели перед казнью молодогвардейцы Краснодона. Очевидцы утверждают, что с пением пролетарского гимна шли приговоренные к казни за попытку к бегству советские летчики — узники Дахау.

Звуки «Интернационала» — гимна Коммунистической партии Советского Союза и всех коммунистов мира — прилетели из космоса в Кремлевский Дворец в дни работы XXIII съезда КПСС.

Имя творца «Интернационала» дорого французскому пролетариату, дорого трудящимся всего мира. Голос поэта-коммунара, непримиримого врага капитализма, и сегодня звучит пламенно, мужественно, страстно:

Никто не даст нам избавленья:
Ни бог, ни царь и не герой.
Добьемся мы освобожденья
Своею собственной рукой!

Валентин ДМИТРИЕВ

ХУРАЛ ЖЕНЩИН ТУВЫ

В том месте, где у подножия горы сливаются Бий-Хэм и Каа-Хэм, образуя большую реку — Енисей, стоит необыкновенный обелиск: земной шар, рассеченный острым, стремительным клинком. На кубическом основании памятника надпись: «Центр Азии. Город Кызыл».

Здесь, в столице Тувинской АССР, проходит недавно Пятый Всетуви́нский хурал женщин.

Уруле Шыраповна Кандан — лучший чабан республики, Герой Социалистического Труда и мать-героиня — приехала из совхоза «Тэлп». С асбестового комбината прилетела на съезд Долчун Ооржак, машинист обогатительной фабрики, коммунистка, мать троих детей. Была в зале и Вера Чульдумовна Байлак, которая в годы Великой Отечественной войны добровольцем пошла на фронт, сейчас она председатель женского совета в Дзун-Хемчикском районе, и Александра Айышевна Салчак, дочь бедного арата-скотовода, теперь — секретарь райкома партии...

Фото Ю. Скуратова.

453 делегатки собрались в зале театра. 453 «хележен», что на русском означает «нужная женщина». Собственно говоря, это слово состоит из двух: тувинского «хеле» — «нужная» и русского «жен», сокращенного от «женщина». Пришло это слово в Туву с установлением народной власти. А до этого женщины называли «херэзжик» — «ненужная». Не зря пели тувинские девушки горькую песню:

Умереть страшно —
В логу, как падаль, бросят,
И дальше расти страшно —
Чужим в неволю отдадут...

Загорелые, словно темная бронза, черноволосые, в национальных халатах и в современных европейских костюмах, внимательно слушают делегатки выступающих подруг. Разговор о новой судьбе тувинской женщины никого не оставляет равнодушным.

Сегодня среди работающих в народном хозяйстве республики 44 процента составляют женщины, а в просвещении и здравоохранении — свыше 70 процентов.

По-деловому обсуждал хурал, что могут сделать они, женщины, для скорейшего претворения в жизнь планов пятилетки, как достойно встретить 50-летие Советской власти.

Н. ВЬЮКОВА

ДЕЛА ОБЩЕСТВЕННЫЕ

«БУБИКОПФ»

Имя Анатолия Васильевича Луначарского знакомо каждому грамотному человеку в нашей стране, известно далеко за рубежами ее. Один из виднейших деятелей

Коммунистической партии и Советского государства, сподвижник В. И. Ленина, с первого дня Советской власти и в течение долгих лет занимавший пост народного комиссара просвещения, он хорошо известен и своей широкой эрудицией во многих областях культуры: литератор, талантливый драматург и красноречивый оратор.

И все же нельзя не удивиться заново, как при своей загруженности партийными, государственными, литературными, педагогическими и многими иными делами он находил время заниматься вопросами, на первый взгляд как будто мелкими и частными и уж никак вроде бы не входящими в круг его и без того обширных забот...

Вот перед нами впервые публикуемая с небольшими сокращениями статья А. В. Луначарского, посвященная, казалось бы, проблеме, которую иные деятели культуры сочли бы недостойной их внимания. Речь идет о... женских модах. Статья «Бубикопф» написана в 1928 году, в ту пору, когда кое-где еще изживались остаточные последствия нэпа, а страна наша уже уверенно двинулась по пути развернутого строительства социализма. Ну, спрашивается, зачем понадобилось в те сложные годы государственному деятелю выступать на такую «парикмахерскую» тему?

Нам, писателям, художникам, искусствоведам, давно озабоченным вопросами эстетического воспитания, не раз и в более поздние годы приходилось сталкиваться с некоторыми чересчур суровыми товарищами, которые полагали, что мы своими выступлениями, скажем, о развитии хорошего вкуса в области быта, костюма, манер поведения, внешнего оформления жилищ и их внутреннего убранства лишь отвлекаем строителей социализма от их прямых задач. Теперь эти поправки кажутся уже анекдотическими, недаром в новой Программе КПСС уделено видное место развитию общей художественной культуры и в связи с этим воспитанию высокого эстетического вкуса у наших людей. Потому так интересна для нас статья А. В. Луначарского, который еще в 1928 году считал нужным уделить свое время и внимание вопросам женских мод, причесок, шляп, костюмов. Ибо его затронула борьба за красоту во всем — и в искусстве и в повседневной жизни.

Почитайте и убедитесь, с какой широтой, столь свойственной ему, говорит А. В. Луначарский о влиянии социальных и исторических условий на формы костюма и причесок у женщин. Как смело и убедительно разграничивает он примеры слепого подражания любой моде с одной стороны, а с другой — пути умного, взвешанного следования за модой удобной, привлекательной, отвечающей условиям нового времени, хотя бы она и носила «клеимо буржуазного изобретения».

Мне думается, что статья «Бубикопф» (так в те годы, помнится, мы называли короткую дамскую стрижку — в переводе с немецкого «бубикопф» — голова мальчишка) не потеряла своей актуальности и сегодня, хотя, конечно, многим нашим читательницам платья и прически, о которых писал Анатолий Васильевич, справедливо покажутся устаревшими. Но дело ведь не в самой мальчишеской стрижке, право на которую защищал А. Луначарский в те годы, когда кое-кто у нас готов был чуть ли не все веяния, пришедшие с Запада, считать буржуазными. Впрочем, мы и сейчас еще нередко сталкиваемся в быту с косными взглядами на новшества в одежде. Кое-где осуждают девушек в брюках, возмущаются тем, что молодые люди надевают летом удобные и легкие шорты...

В том-то и состоит жизненность статьи А. В. Луначарского, что он очень трезво определяет истинную цену и существование моды, со свойственным ему изящным и броским юмором пишет о всевозможных вывихах ее, но в то же время понимает: с модой надо считаться, если, конечно, в ней есть хотя бы зерно того, что обновляет внешний материальный рисунок жизни, быта и приносит хотя бы и временную, но истинную радость людям.

Для огромного числа работающих, служащих женщин в капиталистическом мире мода становится чем-то тягостно-обязательным, слепо подчиняющим себе, она безжалостно диктует и назойливо навязывает свои порой весьма эксцентрические законы во всем — от каблуков до прически. Наша женщина вправе решать сама, что ей стоит позаимствовать у новой моды, а от чего лучше отказаться. И дело тут не в том, каково происхождение мода — «западная» она, «юго-восточная» или «северная». Моду надо принимать не по анкете о ее происхождении, а по тому, насколько она удобна и к лицу вам.

ЛЕВ КАССИЛЬ

Война втянула огромное количество новых женщин, до сих пор занятых домашним хозяйством и угождением своему супругу и повелителю, в круг непосредственной технической и общественной работы.

Сотни тысяч женщин, заменявших своих отцов, мужей, брать-

ев на транспорте, почте и телеграфе, в торговле, администрации, полиции и т. д. — почти до бесконечности, вынуждены были по-новому поставить вопрос о своем быте.

Огромный шаг вперед сделала эмансипация женщин, сильно прибыло в полку женщин, стоящих на собственных ногах...

Война, шире, чем когда-нибудь, отразившаяся не только на мужской, но и на женской половине рода, дала резкий толчок спорту. Государство потребовало от своих граждан высокой тренировки на случай войн гражданских или внешних. Развитие техники предельных скоростей (авиация, автомобили, ускоренный ход машин вообще и т. д. и т. п.) потребовало от человека легкости телесной структуры, быстроты нервных реакций, и все это также поставило вопрос о физической культуре нового, быстрого образца. Спорт, который у ангосаксов имел характер острой забавы, полезной для здоровья, приобрел всюду характер весьма серьезного дела, дающего человеку (мужчине и женщине) ту жизнеспособность, ту жизненную силу, без которой сейчас нельзя отстоять свое существование...

Я помню, как в моей ранней молодости, приблизительно в 1893 г., я познакомился с Полем Лафаргом и его женой Лаурой Маркс-Лафарг*. В первый же день Лафарг заговорил о тогдашней женской моде. Очень многие молодые девушки и женщины в то время в Париже стали носить короткие шаровары и чулки. Делалось это во имя велосипедов. Велосипед свирепствовал, все ездили на велосипеде, и женщине трудно было совладать с этой машиной в юбке. И вот Лафарг распространялся о том, что-де веками доказывали женщине всю нелепость ношения длинной юбки, но ее собственные предрассудки, а еще более нелепая воля ее повелителя, удерживали ее в этом несносном костюме.

«Послушайте, — взволнованно ораторствовал в своем мулатском азарте пресвосходнейший Лафарг, — разве есть какая-нибудь разница между длинной юбкой и чадрой? Там, на Востоке, мужчина требует, чтобы женщина закрывала лицо, хотя это безобразно и негигиенично, а мы требуем, чтобы она закрывала ноги, хотя это также негигиенично. Бедная женщина влачит за собою подол, она прикасается своей длинной юбкой к массе грязных предметов, она пылит вокруг себя, она тащит заразу в дом к своим детям, она не может сделать широкого шага, ей трудно вскочить в омнибус или сойти с извозчика, она, в сущности говоря, в цепях, она связана. И нельзя вдолбить в голову ни ее глупому мужу, ни ей самой, что надо давно сбросить эту нелепую юбку и надеть более или менее благопристойные и подходящие женщине штаны. Если же штаны уж слишком пугают нашу тупую цивилизацию, то, по крайней мере, надо всемерно укоротить юбки».

Тут Лаура вставила свое слово. Она сказала: «Ну, Поль, это хорошо для тех, у кого ноги красивые, или, по крайней мере, благопристойные; но что же ты скажешь об очень старых женщинах с деформированными толстыми ногами, которым совсем не хочется выставлять напоказ свое безобразие?»

«Вздор! — закричал Лафарг. — Рассуждая так, ты непременно дойдешь до чадры. Мы с тобой были всю жизнь довольно красивыми людьми, не правда ли, Лаура? Но вот сейчас морщины сильно избородили наши лица, не прикажешь ли ты и мне и себе закрывать лицо платком ради благопристойности? Что это такое — некрасивые ноги? Почему я могу терпеть бесформенные носы, неправильный разрез губ, тяжелые щеки и разные другие неправильности 999 лиц из тысячи, и почему меня вдруг будет шокировать, что ноги какой-нибудь почтенной женщины толще, чем я бы хотел из моих смутных эротических соображений? Все это пустяки, наружность каждого человека почтенна. Нам нечего стараться сразу ставить рекорды красоты; когда правильный распорядок жизни создаст преобладание правильных тел над неправильными, тогда уже сами собой отпадут все эти, прости меня, не очень умные опасения».

И, как будто предвидя будущее, Лафарг вдруг положил руку на серебряную прическу своей седой красавицы жены и сказал ей: «Или вот это, например: Азия всегда бесконечно дорожила громадным хвостом женских волос, Греция, которая была спортивной и рационалистичной, сократила прическу женщины до очень маленького и грациозного узелка. С такими волосами не надо было слишком много возиться, но я считаю и это данью предрассудку. Почему мы, мужчины, не носим длинных волос?»

* Дочь Карла Маркса.

Мы не делаем этого потому, что это неоправданно или требует колоссального ухода...»

Маленькая велосипедная машинка не удержала женщин, хотя бы даже в том количестве, которое мы с Лафаргом констатировали в Париже в начале 90-х годов, при панталонах, но зато война и весь тот огромный сдвиг, о котором я говорил в начале этой статьи, действительно сбросил с женщины длинные волосы и длинные юбки.

Толчок шел, конечно, от трудовой женщины, но за трудовыми женщинами последовали и модные женщины. В поисках новых мод повелители женской половины рода человеческого — изобретатели новых форм туалета, с удовольствием усвоили эту совершенно новую линию и от себя дали новую заповедь — женщина ни в коем случае не должна быть полной! Легкая, возможно более походящая на мальчика фигура свидетельствует о силе, гибкости, хорошем жизненном тоне и настоящей спортивной тренировке. Линия должна дополняться бубикопфом — головой мальчика. Она находит свою окончательную выразительность в простом платье-рубашечке, в возвращении к упрощенному греческому хитону, а дальше — чулки и башмаки, и пошла гулять!.. Получается действительно в высокой степени изящно, на том простом основании, что это будет возвращение к природе. Ведь подумать только, ведь сравнить только — припомните корсет, припомните турниры, припомните кринолины или прически, какие носили совсем недавно, лет 20 тому назад, и которые представляли собой огромное гнездо искусственных волос и превращали женщин в настоящих головастиков; и при этом еще женщина скручивала свои ноги, вставляя их в нечто вроде футляра от зонтика!

Или припомните шляпы, на которых разводили сады и огороды и сажали мертвых птиц. Действительно, можно сказать, что с новой модой мы имеем самый настоящий, подлинный прогресс.

Но цари моды, повелители ее — великие парикмахеры, великие портные, великие изготовители материи — привыкли властвовать над женщиной безгранично. Они могут выдумать какое угодно уродство, такое, что женщина, впервые увидев в журнале или в жизни новую моду, всплескивает руками и в ужасе говорит: неужели я когда-нибудь это надену (что, конечно, не мешает ей тотчас же бежать, чтобы купить новомодную выдумку)... И это относится не только к тем, кто ближе всего окружает вершины моды дающего Олимпа, не только к светским женщинам — львицам балов; нет, моды стремительно распространяются вниз, вплоть до прислуги, до маленькой модистки, а затем, правда, уже в замедленном темпе, перебарываются и в деревню, где приобретают подчас достаточно дикие упрощенные формы, новыи и новыми ударами сокрушая веками выработанные и полные вкуса старые деревенские сельские одежды.

Смотрели, смотрели законодатели мод, великие парикмахеры и великие портные, на короткие волосы и короткие юбки и решили мановением своей волшебной палочки заставить женщину отрастить себе длинные волосы и надеть длинную юбку. И что же? Не тут-то было — женщина отказалась повиноваться.

Отказалась повиноваться массовая трудовая женщина, но на этот раз действительно массовая, не только фабрично-заводская работница, не только мелкая ремесленница, приказчица, маленькая чиновница — нет, весь женский массив, за исключением абсолютно законопослушных кукол, которые только для туалета и живут — те повиновались приказу...

Но, рассматривая и изучая современную буржуазную жизнь, нельзя, конечно, не находить в ней положительного. Сама по себе рационализация производства — это, конечно, положительный факт; сам по себе ускоренный темп жизни — разумеется, большое завоевание; сам по себе спорт и прогресс физкультуры — конечно, превосходная вещь; само по себе освобождение женщины от оков семьи, постепенное и быстрое превращение ее в трудового самостоятельного гражданина — это, конечно, прогресс. И сопровождающая их перемена наружности женщины есть, разумеется, шаг вперед.

Глупо было бы, если бы наша пролетарская женщина побоялась спорта, потому что буржуазия увлекается спортом. Глупо было бы, если бы она побоялась этой усовершенствованной одежды, приблизившейся к запросам труда, спорта и реальной жизни, которую война заставила признать в Западной Европе.

Мы должны быть за спорт, а поэтому за короткую юбку и за бубикопф. Это мы можем взять у буржуазии, и хотя на всем этом и лежит клеймо буржуазного изобретения, это так же не должно смущать нас, как клеймо того или другого буржуазного завода на вновь выпущенной нами машине. А то, что рифмуют на Западе с «бубикопфом» — эту самую легкую жизнь незадумывающегося раба капитала, мы ее отбрасываем, она к нам не пристанет, слишком полноценно, слишком творчески значительно, слишком озарено великими надеждами строительство жизни, которое кипит в нашей стране.

Рисунки И. КЛЕШКО.

ЯЗЫК МОЙ- ДРУГ МОЙ

Почему мы так говорим

КАВАРДАК

В веселом детском рассказе М. Лоскутова о говорящей собаке ребята поют: «Что за шум и что за драки? Кто затеял кавардак?»

Слово кавардак мы подчас употребляем и в разговорной речи в том же самом смысле — беспорядок, суматоха, суета.

Кавардак — слово тюркского происхождения, и обозначает оно в турецком языке «жареное, жаркое». И в русском языке оно когда-то употреблялось как название кушанья. В романе Л. Толстого «Война и мир», между прочим, называется, как солдаты готовят это блюдо, смешивая сухари с жареным салом, и потом угощают Пьера Безухова: «— Что ж, поешь, коли хочешь, кавардачку!»

Как могло получиться, что название кушанья стало синонимом беспорядка, неразберихи?

Кавардаком обычно называли кушанье, состоящее из многих составных частей: либо окрошку, либо солянку, либо мясо, смешанное с кусочками хлеба, — смесь. А дальше ход изменения значения слова кавардак был, видимо, таким: смесь — мешанина — путаница — беспорядок.

А. КАЛИНИН

Правильно ли вы ставите ударение?

Отда́ть: отдал (разг. отдал), отдала́ (не отдала и не отдала), отдало́ (не отдало), отдали́ (разг. отдало, отдали).

Отня́ть: отнял (разг. отнял), отняла́ (не отняла и не отняла), отняло́ (не отняло), отняли́ (разг. отняло, отняли).

Отперё́ть: отпер, отперла́, отперло́, отперли́ (не отперло, отперли).

Переда́ть: передал (разг. передал), передала́ (не передала и не передала), передало́ (не передало, передали); переданны́й, передан, передана́ (разг. передана), передано́, переданы́ (не переданный).

Пере́нять: пере́нял (разг. пере́нял), пере́-

Отвечаем читателям

В восьмом номере нашего журнала за 1964 год был помещен краткий ответ на вопрос читателей об употреблении слова «пара». Однако читатели продолжают присылать письма с просьбой разъяснить подробнее, как правильно употреблять это слово.

ПАРА СЛОВ О «ПАРЕ»

Слово «пара» употребляется в литературном языке в том случае, когда речь идет о двух однородных предметах, используемых обязательно вместе и рассматриваемых как одно целое: «пара туфель», «пара носков», «пара лыж».

Можно употребить слово «пара» и применительно к двум лицам, также рассматриваемым как нечто целое: «влюбленная пара», «супружеская пара», «танцующие пары», «спортивные пары».

Слово «пара» используется, когда говорят о мужском костюме, состоящем из брюк и пиджака, или о фраке. Например: «Юноша стоял рослый, аккуратный, в хорошо выглаженной серой паре». Называют «парой» и упряжку из двух лошадей.

Кроме того, в разговорном стиле литературного языка слово «пара» употребляется по отношению к двум продаваемым предметам: «яблоки продаются по 30 копеек за пару», «купить пару огурцов».

В разговорной речи слово «пара» используется подчас и в значении «несколько». Такое употребление мы встречаем у Пушкина: «Плетневу поклон да пара слов — на днях ему пишу»; у Грибоедова: «Улыбочка и пара слов, и кто влюблен — на все готов»; у Тургенева: «Напиши мне пару строк, коли вздумается».

Нелитературным является лишь употребление слова «пара» по отношению к двум предметам или лицам, не рассматриваемым обязательно вместе. Неправильны фразы: «На дороге не было никого, кроме пары путников», «Мы купили пару книг», «На столе стояла лишь пара тарелок» (правильно было бы сказать «кроме двух путников», «купили две книги», «стояли две тарелки»).

Л. РАХМАНОВА

Когда

Наш корреспондент попросил ученых — заведующего лабораторией Института физиологии растений АН СССР члена-корреспондента АН СССР И. И. ТУМАНОВА и декана биологического факультета Московского государственного университета профессора Н. П. НАУМОВА рассказать, что происходит зимой с животными и растениями.

ЗИМУЮТ ДЕРЕВЬЯ...

И. ТУМАНОВ

В летние месяцы почти все растения могут погибнуть, если температура вдруг снизится до семи-восьми градусов мороза. К сентябрю морозостойкость повышается, в октябре — ноябре яблоня может безвредно перенести сорокаградусный мороз, ель — пятидесятиградусный, а березе и 65 градусов мороза нипочем.

Что же происходит? Почему растения так резко меняют свои свойства?

В конце июля — начале августа многие растения начинают «замечать», что день становится короче. Это первое предзнаменование надвигающейся осени деревья воспринимают как сигнал для подготовки к зиме. Рост побегов сначала замедляется, а потом и вовсе останавливается. В это время растения еще боятся морозов, но уже начинают готовиться к ним.

Вот среди зелени появилась первая желтизна. Это на смену зеленому хлорофиллу пришли другие красящие вещества — пигменты. Они были в листьях и летом, но хлорофилл, дающий растению жизнь, забивал их своей сочной краской, делал незаметными. С каждым днем все больше и больше питательных веществ уходит из листьев в ветки, ствол, корни. Все явственнее выступают пигменты, и недавнее зеленое царство вспыхивает осенним багрянцем.

В это же время в черешке каждого листочка появляется так называемый отделительный слой. После того как растение возьмет из листьев все полезное, лист отделится от ветки — начнется листопад.

Грустное зрелище — листопад. Но это вовсе не болезнь лиственных деревьев, а способ их защиты от зимней непогоды. Зимой корням дерева почти невозможно добыть влагу из замерзшей земли, а с поверхности листьев, как известно, испаряется много воды. Для того, чтобы не высохнуть в зимне безводье, деревья должны отказаться от листьев.

Хвойные деревья своих «иголок» не сбрасывают, зато зимой каждая хвоинка приобретает хорошее защитное приспособление от высыхания. Но и лишняя вода опасна зимой для растения. Особенно если она превратится внутри клетки в кристаллики льда. Кристаллики разрушают живое вещество клетки, растение погибает.

Поэтому на зиму внутри клеток растения остается минимальное количество воды — ровно столько, сколько необходимо для поддержания жизни. Известно, что растворы сахара замерзают при более низкой температуре, чем чистая вода. Деревья используют и этот способ защи-

Отдел ведет кандидат филологических наук Н. И. ФОРМАНОВСКАЯ.

наступят

холода...

ты. В конце лета и ранней осенью они усиленно заготавливают крахмал и белки. После наступления осенних холодов крахмал превратится в различные сахара, которые растворяются в воде клетки и понижают температуру ее замерзания.

Зимой новый сахар почти не появляется, но чем сильнее мороз, тем крепче сахарный раствор внутри клетки. Дело в том, что часть воды все же превращается в лед, и оставшийся жидкий раствор становится более концентрированным.

Невымерзающие растения способны удалить из своих клеток всю лишнюю воду. Иногда они безвредно переносят поистине космические холода: минус 253°C.

Вывод лишней воды из клеток, заготовка крахмала и превращение его в сахар — процессы медленные. Растение готовится к зиме несколько недель, а то и месяцев.

Из состояния зимнего оцепенения растительный мир выходит более быстро. При этом надо снова всосать воду в клетки, а сахар превратить в крахмал.

Крахмал для растения, что жир для человека, он является источником энергии. Но так как сам крахмал не растворим в воде, растения, прежде чем питаться, должны снова превратить его в растворимый сахар. Поэтому весной у растений сладкий сок. Обилие его говорит о том, что близок час пробуждения.

Теплые зимние дни очень опасны для растений: они обманывают их, как бы говоря о наступлении весны. Растения начнут готовиться к весне, насытят свои клетки соком. И если после этого снова грянут морозы — беда, гибель: в клетках растения кристаллизуется лед. В теплые зимы морозостойкость деревьев значительно снижается. После оттепели яблона, например, уже не сможет пережить сорокаградусный мороз.

Однолетние растения совсем не способны подготовиться к зиме. Они оставляют зимовать свои семена, в которых очень мало воды и много питательных веществ. Непроросшие сухие семена могут безвредно переносить и лютые морозы и палящий зной.

Так растения за миллионы лет научились бороться с зимой, не уходя в укрытие.

СПЯТ МЕДВЕДИ...

Н. НАУМОВ

Зима бывает разная: морозная, вьюжная — в Арктике и Антарктике, мягкая, с дождями — в экваториальных пустынях. Поэтому многие животные, используя

свою способность передвигаться, зимуют в чужих, но теплых краях. Улетают птицы. Путешествия совершают некоторые рыбы, бабочки, саранча.

Большинство беспозвоночных не способны к многокилометровым вояжам. Черви, моллюски, насекомые проводят зиму в состоянии оцепенения. Начиная со второй половины лета они нагуливают жир, а вредный клоп-черепашка, например, копит в кишке крахмальные зерна. И жир и крахмал в холодную зимнюю пору будут поддерживать чуть теплящуюся жизнь.

К началу зимы беспозвоночные теряют воду, в их крови и лимфатической жидкости увеличивается содержание солей. В таком состоянии они способны пережить 40—50-градусные морозы.

В поисках укромного и более теплого места насекомые уходят в почву, забиваются в щели, трещины, туда же откладывают свои куколки или яички. Моллюски зарываются в ил, а черви ищут в почве благоприятные слои. В глубине почвы осенью тепло. Самое холодное время (почвенная зима) приходится там на весну, когда земля, охлаждавшаяся всю осень и зиму, еще не нагрелась от первых солнечных лучей. Поэтому летом черви приближаются к поверхности, а зимой уходят в глубину.

Среди беспозвоночных своим «коллективным разумом» и высокой организацией жизни выделяются пчелы. Достояние удивления и их зимовка. Отдельная пчела — хладнокровное насекомое, неспособное поддерживать высокую температуру тела. И все же зимой пчелы не впадают в оцепенение. Летом они готовят в улье запасы меда и всю зиму питаются им, поддерживая этим теплоту. Как только температура в улье опускается до +13° и пчелам становится прохладно, они начинают усиленно питаться медом и энергично двигаться. Мед дает им энергию для движения, благодаря которому выделяется тепло. Температура в улье поднимается. Когда она поднимется до +25°C, пчелы прекращают усиленно двигаться. Улей охлаждается до тех пор, пока температура +13° не заставит пчел греться вновь.

Интересно зимуют рыбы. Многие осетровые, нагуляв жир, собираются в ямах заводей и залегают в них, как бревна, друг на дружку. Такие зимовочные скопления создают многие рыбы.

Если поместить в аквариум одну рыбу из числа живущих стаями и измерить интенсивность ее дыхания, она окажется высокой. Но стоит только посадить к ней подруг, как интенсивность дыхания у рыб понизится. Это происходит даже в тех случаях, когда рыбы находятся в разных аквариумах, но на виду друг у друга. Та-

кое стадное свойство особенно ценно при длительной зимовке, во время которой рыбы не питаются.

Хищные рыбы, такие, как щука или сом, живут в одиночку и «чувства локтя» не имеют. Наоборот, они даже возбуждаются и приходят в беспокойство, увидев соперника. Хищники и зимуют обычно поодиночке.

В подземных убежищах (норах, трещинах) на зиму скапливаются змеи и некоторые ящерицы.

Иногда животным приходится для зимовки менять привычные места жительства. Травяные лягушки уходят зимовать под воду, собираясь по нескольку десятков штук в углублениях ручьев и рек. Тритоны, с весны живущие в воде, осенью «вспоминают» о своих лапках, вылезают на берег и зимуют, забившись в какой-нибудь тухлявый пенек.

Спят зимой некоторые млекопитающие, например, медведи. Температура их тела при этом немного понижается, приближаясь к +35° С. Спят медведи некрепко. Их легко разбудить громким голосом или неосторожным движением. Даже в самый лютой мороз хозяин леса может наброситься на нарушителя своего покоя.

Настоящим соней — рекордсменом среди млекопитающих — считается желтый суслик, обитающий в полупустынях. Он просыпается в марте, пашется на свежей зелени в апреле и мае, поедает луковицы тюльпанов, выводит детенышей, а уже к июню засыпает до следующего марта. Его беспробудный сон длится девять месяцев в году.

У животных, не засыпающих на зиму, большая забота — заблаговременно заготовить корм. Каждый это делает по-своему. Например, курганчиковые мыши, живущие на полях Южной Украины, потому так и названы, что насыпают настоящие курганчики колосов и семян высотой до 65 см и диаметром до метра, укрывают их землей и всю зиму кормятся этими запасами. Белки и бурундуки собирают орехи. Кто был в Монголии и Забайкалье, видел, возможно, тысячи маленьких стожков сена в степи. Это заготовили себе на зиму корм пищухи — небольшие зверьки, похожие на зайцев.

Самый удивительный заготовитель среди птиц — воробьиный сыччик. Он удивляет не только биологов, но и метеорологов. Все лето и осень сыччик живет заботами сегодняшнего дня. Но вот он начал носить в дупло мелких птиц и грызунов. Зоологи знают: если сыччик занялся заготовкой, вскоре установится снеговой покров и наступит настоящая зима. Ученым до сих пор непонятно, как эта птица научилась точно определять момент начала зимы.

Уши болят...

Острый отит, или, как его часто называют, воспаление среднего уха, — довольно распространенная болезнь. Многие считают, что она хоть и неприятна, но в какой-то степени неизбежна: мол, все дети через это проходят, ничего страшного. А между тем этот «нестрашный» недуг часто становится причиной потери слуха у детей — поражает он в основном малышей, не достигших годовалого возраста.

Среднее ухо — это костная коробочка из нескольких отделений, прикрытая «крышкой» — барабанной перепонкой. Внутренность коробочки и крышка выстланы слизистой оболочкой. Узким каналом (так называемой евстахиевой трубой) среднее ухо соединяется с носоглоткой — это необходимо для постоянного воздухообмена между ними. Чем меньше ребенок, тем шире и короче его евстахиева труба. Значит, путь из носоглотки более прямой, легкий и населяющие ее микробы свободнее проникают в полость уха. Вот почему любое заболевание носоглотки, легкий катар или насморк могут повлечь за собой очень серьезные последствия.

Возбудителями острого отита считаются гноеродные микробы — стрептококки и особенно стафилококки. Бывает, что стафилококки подолгу мирно живут в носоглотке человека, не давая о себе знать. Но это — опасное соседство. Стоит человеку переутомиться, некоторое время поголодать или недоспать, получить травму, перенести грипп, как стафилококки активизируются и переходят в наступление.

Начинается острый отит обычно с так называемого катара слизистой оболочки — она набухает, разрыхляется, становится полнокровной. Если сразу же принять необходимые меры, можно остановить воспаление на этой стадии, и через несколько дней ребенок выздоравливает. Но бывает, что воспаление разгорается дальше, переходит в гнойную форму. Скопившийся гной в поисках выхода способен прорвать барабан-

ную перепонку. Правда, ранка заживет, затянется, но все-таки «златанная» перепонка хуже проводит звук, чем здоровая.

Опаснее всего, если воспаление становится хроническим, переходит на кость, внутреннее ухо — тут приходится прибегать даже к хирургическому вмешательству. К счастью, сейчас в распоряжении врачей есть мощные противомикробные средства, и такие тяжелые осложнения крайне редки.

Как и всякую болезнь, острый отит легче предотвратить, чем вылечить. И понятно, что это зависит прежде всего от матери. Если мать невнимательна и носик малыша при кормлении закрыт грудью, молоко изо рта устремляется в нос и через евстахиеву трубу попадает в барабанную полость. Молоко — хорошая питательная среда для микробов, а в барабанной полости идеальные условия для их размножения.

Не удивительно, что ребенок заболевает. Такая же опасность возникает, если малыш срыгивает излишки пищи. Поэтому не перекармливайте детей, следите за тем, чтобы при кормлении они нормально дышали, а покормив, не сразу кладите в кроватку, немножко подержите на руках в вертикальном положении.

Если у ребенка появился хоть малейший насморк, кашель, немедленно обращайтесь к врачу. Ни в коем случае не лечите ребенка домашними средствами, не давайте ему по своему почину антибиотики. Чтобы слизь не застаивалась в задних отделах носа, почаще поворачивайте больного ребенка с боку на бок и держите его при кормлении более вертикально, чем обычно.

У детей постарше причиной отита нередко становятся аденоиды — особые разрастания в носоглотке, прикрывающие наружное отверстие евстахиевой трубы. Если врач посоветовал удалить их, — не медлите.

Р. МИНЧИНА,
кандидат медицинских наук

Эвкалипт — дерево жизни

«...Когда я была в Сочи, экскурсовод рассказывал, что эвкалипт — лекарство чуть ли не от сотни болезней. Я заинтересовалась этим, купила в аптеке листья, а как ими пользоваться, не знаю», — пишет М. Толстенно из г. Котовска.

Отвечает врач М. ГУРВИЧ

Полезные свойства эвкалипта известны с древних времен. Люди давно заметили, что возле этого вечнозеленого дерева легче дышится, что листья его источают аромат, а корни осушают почву, жадно поглощая влагу.

Что же насает медицина, то давно изучает она поистине неисчерпаемые возможности этого замечательного растения.

Эвкалипт снижает артериальное давление, облегчает кашель, способствует выздоровлению от некоторых желудочно-кишечных заболеваний, применяется при лечении ран, гнойных процессов, фурункулов. Конечно, он не всегда полностью избавляет от недуга, но в большинстве случаев приносит больному заметное облегчение.

В медицине используются обычно высушенные листья, из которых готовят масло и различные настойки, спиртовые препараты и порошки.

Большинство этих препаратов продается в аптеке, а некоторые вы можете приготовить дома.

При заболеваниях носоглотки, катарах и кашле хорошо помогают эвкалиптовые ингаляции. Возьмите 15 граммов сухих листьев, лучше старых, серповидных, мелко нарежьте, залейте водой (половина стакана) и кипятите 4—5 минут. Потом процедите и вдыхайте горячие пары. Хранить готовый настой нужно в герметически закупоренной стеклянной посуде.

При гипертонической болезни обычно рекомендуется заварить пять сухих листочков литром крутого кипятка, через несколько часов процедить и разлить в бутылки. Такую настойку пьют два-три раза в день по половине или четверти стакана.

В заключение — самое важное. Как бы ни нравилось вам лечиться эвкалиптом, не делайте это по собственной инициативе, без совета врача.

Несколько минут косметики

Вот и осень кончается. Прошли дожди. Скоро будет совсем холодно... А взгляните на в зеркало: с лица, хотя оно и сохраняет еще летнюю свежесть, загар уже сходит. Выгоревшие концы волос нажуются слишком светлыми, резко отличаются от цвета всей прически.

...Волосы больше всего страдают от избытка солнечных лучей и ветра. Если они стали сухими, безжизненными, концы секутся, перед мытьем на 20—30 минут оберните голову полотенцем, намоченным в горячей воде, чтобы раскрылись поры. Кончиками пальцев массируйте в кожу столовую ложку подогретого растительного масла, снова на полчаса завяжите голову, а потом вымойте с мылом. Повторяйте эту процедуру каждую неделю, пока волосы не придут в норму.

...Развеваящиеся, свободно летящие по ветру волосы летом выглядят очень красиво. Но осенью лучше сделать прическу более строгую и гладкую. Если волосы сильно выцвели, стали «двухцветными», помойте их оттеночным шампунем.

...Не только волосы, но и кожа под влиянием солнца, ветра и соленой воды может потерять эластичность, стать слишком сухой. Перед тем как принять душ или ванну, наложите на лицо и шею толстый слой жирного питательного крема: под воздействием тепла поры раскроются и крем лучше впитается.

...Если кожа очень уж сухая, обратите особое внимание на то, как вы питаетесь, и постарайтесь ввести в меню больше продуктов, содержащих витамин А (его много в овощах, а также в молочных продуктах, печени, селедке, рыбьем жире).

● Слегка залоснившийся ворот шерстяного платья или пиджака легко отчистить кусочком ваты, смоченным подогретым уксусом.

● стакан фруктового или томатного сока, выпитый маленькими глотками утром, натощак, хорошо действует на пищеварение, а к тому же снабжает организм витаминами. Это полезно и взрослым и детям.

● Не сушите мясорубку на огне или горячей плите — от этого портятся ножи. Мясорубка станет чистой, если пропустит через нее бумагу.

Столовая на колесах

...Это Люда Петрова. Она работает поваром на строительстве нефтяной магистрали Усть-Балык — Омск. В ее столовой — передвижном вагончике — обедают сотни человек. И все они подтвердят, что Люда не зря считается лучшим поваром головного участка строительства. Кормят в этой столовой вкусно, обслуживают быстро, весело, по-домашнему.

Случается, что изолировщики или электросварщики допоздна задерживаются на работе. Все уже знают, что в эти часы у Люды на дому — она живет рядом со столовой, в таком же вагончике, — открыт своеобразный «пункт питания». В термосах оставлена горячая еда, Люда покормит да еще улыбнется: на здоровье!

Фото А. СЫРОВАТСКОГО.

г. Сургут.

Приятного аппетита!

Люди самых разных профессий собрались в арктическом поселке Амдерма на южном побережье Карского моря. Трудятся там синоптики, радисты, гидрогеологи, строители, портовики... Народ молодой, веселый и здоровый. В обеденный перерыв все спешат в столовую. А здесь и не у таких здоровяков разыгрывается аппетит: глаза разбегаются от разнообразия блюд — мясные, рыбные, овощные. И все вкусно. Хорошо готовит повар Мария Аполлоновна Котова!

Суровая тундра не балует витаминами. Но как же без них полярникам? На катере, на вездеходе, на собаках, а то и пешком отправляется заведующая столовой Мария Михайловна Куроедова за живой рыбой и рыбам Печоры, за мясом в оленеводческие стада, за свежим молоком, луком, овощами на подсобные хозяйства.хлопотно, зато люди довольны.

Вечером столовая превращается в ресторан. Приятно от-

дохнуть после напряженного дня в чистом, теплом, уютном зале, где даже цветы на столах... Поди-на вырасти их в тундре! Приятно послушать музыку, потанцевать, посидеть с друзьями за чашкой кофе или кружкой пива. Кстати, свежее пиво на Севере — тоже редкость, доставлять его самолетом слишком дорого. Мария Михайловна нашла выход: выписала с материка экстракт, а из него в столовой варят напиток, которым довольны даже строгие ценители.

Мария Михайловна и ее коллеги часто слышат слова благодарности. Они отмахиваются: чего там, обыкновенная работа. Но думается, что эти скромные женщины занимают достойное место среди отважных полярников.

В. ГАЛУШКИН

п. Амдерма, Арктика.

Спокойно, снимаю!

Такую передвижную фотостудию часто можно увидеть в рабочих поселках и селах Ленинградской области. Жителям их не надо теперь ездить в город, чтобы сфотографироваться

для документа, заказать художественный портрет, провратить пленку или просто посоветоваться с опытным мастером. Фотостудия приезжает на дом.

Поезд, которого ждут

В этом поезде нет пассажиров. Зато есть клуб, где можно посмотреть новый фильм или концерт, послушать лекцию. Есть ателье, химчистка, сапожная мастерская, парикмахерская и даже зубо-врачебный кабинет.

Уже больше года колесит по Вологодской области культурно-бытовой поезд, созданный областным управлением

бытового обслуживания и отделением железной дороги. На каждой из 25 подшефных станций поезд стоит день — с утра до позднего вечера: принимаются и выполняются всевозможные заказы, бойно торгует развездной промтоварный магазин. А ночью снова в путь, к следующей станции.

г. Вологда.

ЛЮДИ

ДОВОЛЬНЫ

Парад службы быта

Каждый год бытовой комбинат города Дрогобыча устраивает выставку — своеобразный парад своих служб. Очередная такая выставка состоялась недавно в городском парке. Мастера комбината продемонстрировали лучшие образцы обуви, готового платья, вязаных вещей, познакомили горожан со всеми видами выполняемых ими услуг. Тут же, в парке, можно было сделать модную прическу, взять напрокат велосипед или магнитофон, заказать туфли, кофточку.

Я. ШАПОШНИКОВ

г. Дрогобыч.

Две тысячи пирожков

В продовольственном магазине потребительской кооперации города Тосно открылся большой отдел кулинарии — первый в городе да и во всем районе. Работает он ежедневно в полторы смены, в самые удобные для женщины часы: можно успеть сделать покупки до начала работы или вечером, по пути домой. Выбор большой, разнообразный: мясные и овощные полуфабрикаты, закуски, блинчики, рыба, всевозможные сладости, торты, пирожные. Ежедневно продается более двух тысяч пирожков с различными начинками. Пользуется успехом и фирменное сахарное печенье, всегда свежее, вкусное. Можно сделать индивидуальный заказ, попросить приготовить любимое блюдо для праздника или семейного торжества.

«Домашняя кухня» получила в Тосно широкую популярность. По ее примеру организованы отделы кулинарии еще в четырех магазинах района.

А. ТИМОФЕЕВА

г. Тосно, Ленинградская область.

Соревнование причесок

Двенадцать тысяч мастеров оспаривали право приехать этим летом в Москву на первый Всесоюзный конкурс — показ работ парикмахеров. Цель конкурса — широкий обмен опытом, повышение общего уровня парикмахерского дела.

Среди призеров — мастера Москвы, Ленинграда, Сибири, Дальнего Востока.

На снимке: одна из победительниц конкурса — мастер Татьяна Константинова.

Фото Г. ИБЕРКЛЕЙДА.

г. Москва.

Приглашение к чаю

БИСКВИТНЫЙ ТОРТ

Бисквит. Разбейте в миску четыре яйца, очень свежих, засыпьте сахаром (80 г), размешайте и взбивайте, пока масса не увеличится в объеме в три раза. «Струйкой» всыпьте просеянную сивоз сито муку высшего или первого сорта (тоже 80 г), быстро перемешивая деревянной ложкой или лопаточкой. Тесто готово. Вылейте его в круглую форму или кастрюлю, застеленную изнутри чистой оберточной бумагой. Ставьте в духовку примерно на 50—60 минут. Готовый бисквит (он будет весить 500 г) выньте из формы, когда он остынет, но не разрезайте сразу же: пусть «выстоится» несколько часов, а еще лучше — до следующего дня.

Крем. В кастрюле перемешайте 70 г сахара, яйцо и три-четыре столовые ложки молока, поставьте на медленный огонь, все время помешивайте. Прежде чем масса закипит, добавьте еще столько же молока и кипятите пять минут. Охладив смесь, положите туда 70—80 граммов предварительно размягченного сливочного масла и энергично сбивайте столовой ложкой.

В готовый крем добавляют чуть-чуть ванилина (на кончике ножа) и при желании одну-две чайных ложки вина.

Сироп. В 1/2 стакана крепкого кофе кладут 50 г сахара, кипятят, а потом охлаждают и добавляют пол-ложки лимонного сока и ложку вина.

«Отделка» торта. Разрежьте бисквит на две части, нижнюю пропитайте сиропом и смажьте кремом. Соедините обе части. Верх торта смочите оставшимся сиропом, посыпьте бисквитной крошкой (срежьте с бисквита верхнюю корочку и натрите на терне). Затем смажьте кремом. Если хотите украсить торт, расчертите его по

верхность ножом на ровные клеточки и в каждую положите ягоду из варенья — вишни, сливы, клубники.

Чтобы ускорить дело, вместо крема можно смазать бисквит фруктовой начинкой или вареньем, лучше всего черносмородиновым.

К столу торт подают на блюде, подложив под него узорчатую бумажную салфетку.

ТОРТ «КАРТОШКА»

Этот торт удобен тем, что его не надо печь.

Сначала приготовьте крем. Размяв 100 г сливочного масла, влейте в него 100 г сгущенного молока и сбивайте деревянной ложкой, пока не получится однородная масса. Добавьте три столовых ложки сиропа любого варенья, две ложки порошка какао, для любителей — ложечку вина и тщательно размешайте.

Теперь нужно натереть на терке готовый подсохший бисквит (или ванильные сухари, простое чайное печенье — 500 г), насыпать в кастрюлю, положить крем и хорошо перемешать. Из этого теста сделать круглую лепешку, положить ее на тарелку и поставить на холод. Через час посыпать сахарной пудрой, украсить ягодами из варенья и подавать к столу.

СОЧНИ

Положите в кастрюлю 200 г размягченного масла или маргарина, всыпьте 100 г сахара и разбейте три яйца. Перемешайте, добавьте 450 г муки, снова перемешайте. Тесто раскатайте скалкой, вырежьте станком лепешки и уложите на лист. В середину каждой лепешки положите чайную ложку начинки и заверните края или соедините края лепешки, как у вареников.

Начинка. Смешать 400 г творога, 90 г сахара, 50 г сметаны, яйцо и 60 г муки — все строго в указанной последовательности, тщательно перемешивая.

СУХАРИКИ

Разомните 100 г сливочного шоколадного масла, добавьте 200 г сахара и одно яйцо, размешайте. Затем всыпьте 100 г мелко нарубленных грецких орехов и 100 г предварительно намоченного изюма. Растворите в чайной ложке лимонного сока четверть ложки соды и вместе с мукой (300 г) положите в тесто.

Разделите тесто на небольшие куски, скатайте их в колбаски, положите на лист, смазанный маслом, и поставьте в духовку. Когда колбаски испекутся, разрежьте их на тонкие ломтики и 4—5 минут подсушите в духовке; потом, выключив духовку, подержите там сухарики еще 2—3 минуты.

МАЗУРКА

Разотрите станом сахара и два яйца. Положите по станку измельченных грецких орехов и изюма, соду (четверть чайной ложки) и в последнюю очередь — станом муки. Все тщательно перемешайте.

Тесто выложите на лист, смазанный растопленным сливочным маслом, и поставьте в духовку. Готовый пирог еще горячим разрежьте на куски.

Кондитер В. КОВЧЕНКОВ

Нарядные платья

Предлагает отдел мод ГУМА

1. Платье-костюм из гипюра для молодой женщины. Кружевное полотно кроится вместе с подкладкой из блестящего шелка или полпына. Жакет прямой, слегка приталенный вытачками, отделан кантом из матового шелка. Застежка — маленькие розочки, сделанные из того же материала, что и кант. Расширенная книзу юбка по бокам заложена встречными складками.

2. Вечернее полуприлегающее платье из шелковой ткани для женщины среднего возраста. Блестящий рельефный шелк платья красиво сочетается с мягким черным бархатом вставки. Декоративные пуговицы обтянуты шелком, застежка сзади на молнии.

Выкройку этого платья в натуральную величину (52-й размер, 3-й рост) без припусков на швы мы даем в приложении.

3. Такой вечерний костюм — прямая бархатная юбка и полуприлегающий жакет из блестящей парчи — подойдет женщине любого возраста и комплекции. Пуговицы можно заменить маленькими стилизованными цветочками из ткани.

4. Это платье рекомендуется полным женщинам. Спереди широкая вставка, по линиям которой расположена декоративная застежка (обтяжные пуговицы и «воздушные» петли). Спинка отрезная, слегка присборена ниже линии талии. Шов скрыт хлястиком.

5. Нарядное шерстяное платье для любой фигуры. Спереди — отделочные швы, подчеркнутые строчкой, и декоративные клапаны. Вырез оформлен подкройной бейкой из ткани другого цвета. Платье будет особенно нарядным, если бейку вышить бусами со стеклярусом или сутажом. Сутаж пришивается «на ребро» по заранее намеченному рисунку.

6. Комбинированное полуприлегающее платье для молодой женщины из ткани двух цветов. Цвета могут быть близкие (как на рисунке) или контрастные (черное с белым, синее с красным и т. д.). Перед платья, скроенный вместе с юбкой, как бы пристегивается у выреза декоративной пуговицей. Рукава втачные.

Н. ПОЛИВОДА,
старший художник
отдела мод
ГУМА

Рисунки П. ЛАБУТИНА
и А. СВЕРКИНА.

Адрес редакции:

МОСКВА, А-15, БУМАЖНЫЙ пр., 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:

промышленного — Д 0-11-72; международной жизни — Д 0-12-30; литературы и искусства — Д 0-12-30; семьи и быта — Д 0-11-93; науки и антирелигиозной пропаганды — Д 0-44-80; художественного оформления — Д 3-34-79; писем — Д 0-57-38; массовой работы — Д 0-44-80; зав. редакцией — Д 3-30-05.

Оформление художника
Г. ГОРСТИНОЙ

Главный редактор В. Е. ВАВИЛИНА.

Редакционная коллегия:

Н. С. БЛАГОВЕЩЕНСКАЯ,
В. П. ВЫСОЦКИЙ, В. А. ГЕРАСИМОВА,
М. Н. КОЗЫРЕВА, Е. В. КОНОНЕНКО,
Е. Д. МИШИНА, А. А. СЕВЕРЬЯНОВА,
З. Н. ТИМОФЕЕВА (зам. главного редактора).

Технический редактор
Т. ЖУРАВЛЕВА.

Ордена Ленина типография
газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

А 10387. Подписано к печ. 30/IX 1966 г.
Формат бумаги 60 × 92 1/2. Печ. л. 5.
Усл. печ. л. 5,43. Тираж 10 100 000 экз.
Изд. № 1918. Заказ № 2593.

На первой странице обложки:
Буревестник революции.

Рисунок художника И. УШАКОВА.

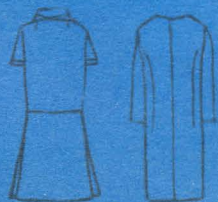
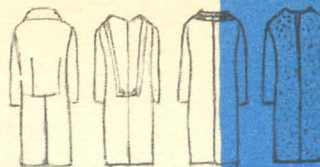
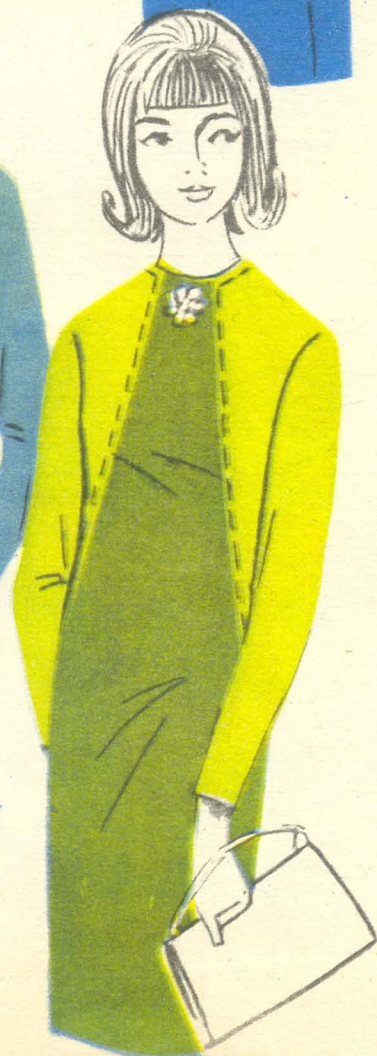
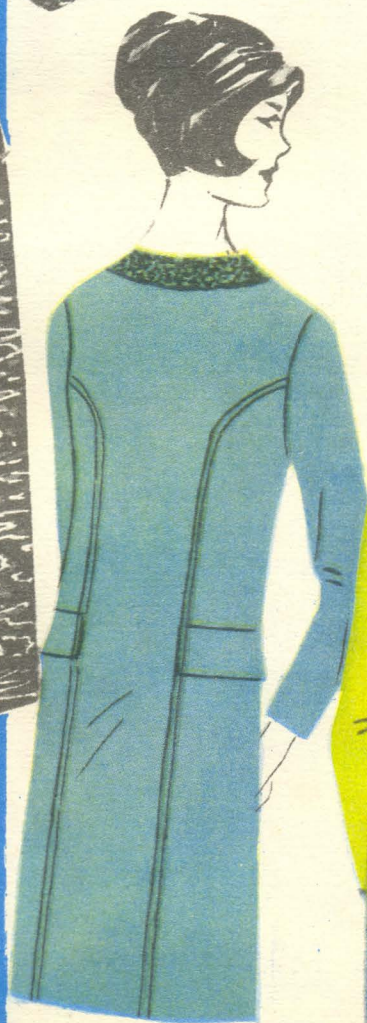
На второй странице обложки:
Праздничный салют.

Фото Б. РАСКИНА.

На четвертой странице обложки:
Узор для вышивки.

Художница Т. ДМИТРИЕВА.

К этому номеру дается бесплатное приложение: вязание платка и выкройка платья.

Цена 10 копеек
Индекс 70770

